

Южноафриканская трилогия

Томас Майн Рид

**В дебрях Южной Африки, или
Приключения бура и его семьи**

«ФТМ»

1855

Майн Рид Т.

Южноафриканская трилогия / Т. Майн Рид — «ФТМ»,
1855 — (Южноафриканская трилогия)

ISBN 978-5-4467-2654-7

ISBN 978-5-4467-2654-7

© Майн Рид Т., 1855
© ФТМ, 1855

Майн Рид

В дебрях Южной Африки

Перевод с английского
Надежды Вольпин

ФТМ

Томас Майн Рид
В джунглях Южной Африки, или
Приключения бура и его семьи
Серия «Южноафриканская трилогия», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122568
В джунглях Южной Африки, или Приключения бура и его семьи: ФТМ;
ISBN 978-5-4467-2654-7

Аннотация

«Гендрик ван Блоом был буром.

Мой юный читатель, не подумай, что я хочу выразить какое-то пренебрежение к минхеру ван Блоому, называя его буром. В нашей милой Капской колонии бур – это фермер. Назвать человека фермером – не попрек. Ван Блоом и был фермером – голландским фермером на Капской земле, иначе говоря – буром.

Буры Капской колонии сыграли в новейшей истории заметную роль. Миротлюбивые по складу характера, они оказались все же вовлеченными в ряд войн – и с туземцами Африки и с европейцами – и доказали своею доблестью, что мирные люди, когда нужно, умеют сражаться не хуже тех, кто весь смысл своей жизни видит в разбойной воинской славе...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	15
Глава V	18
Глава VI	20
Глава VII	23
Глава VIII	26
Глава IX	29
Глава X	32
Глава XI	35
Глава XII	37
Глава XIII	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Майн Рид

В дебрях Южной Африки, или Приключения бура и его семьи

*Трем моим юным дорогим друзьям,
Францу, Лайошу и Вильме,
детям старого друга моего, друга свободы, добра и правды, –
ЛАЙОША КОШУТА,
посвящает эту книгу их искренний доброжелатель
Майн Рид,
Лондон, 1855*

Глава I Буры

Гендрик ван Блоом был буром.

Мой юный читатель, не подумай, что я хочу выразить какое-то пренебрежение к минхеру ван Блоому, называя его буром¹. В нашей милой Капской колонии бур – это фермер. Назвать человека фермером – не попрек. Ван Блоом и был фермером – голландским фермером на Капской земле, иначе говоря – буром.

Буры Капской колонии сыграли в новейшей истории заметную роль. Миротлюбивые по складу характера, они оказались все же вовлеченными в ряд войн – и с туземцами Африки и с европейцами – и доказали своею доблестью, что мирные люди, когда нужно, умеют сражаться не хуже тех, кто весь смысл своей жизни видит в разбойной воинской славе.

Буров, правда, обвиняли в жестокости, особенно по отношению к туземцам. Обвинение, пожалуй, справедливое. Верно, что они низвели желтокожих готтентотов до положения невольников, но в те времена мы, англичане, вывозили из Гвинеи за Атлантику полные корабли чернокожих, а испанцы и португальцы обратили в рабство американских краснокожих.

Надо к тому же знать и нравы туземцев, с которыми сталкивались капские голландцы. Все, что дикарям приходилось сносить от колонистов, казалось милосердием по сравнению с тем, что они терпели от собственных деспотов.

Это, конечно, едва ли служит оправданием голландцам, поработившим готтентотов, но если принять в соображение все обстоятельства, то какой же морской народ вправе будет назвать их жестокими?

Юный читатель, я многое мог бы сказать в оправдание капских колонистов, но здесь для этого нет у меня места. Могу только заявить, что, по-моему, буры – люди смелые, сильные, здоровые и нравственные, трудолюбивые и мирные. Они поборники правды, друзья республиканской свободы – словом, благородный народ.

Итак, назвав Гендрика ван Блоома буром, разве я проявил этим пренебрежение к нему? Скорее наоборот.

Но минхер Гендрик не всегда был буром. Он мог бы похвалиться более высоким положением, вернее сказать – лучшим образованием, чем то, которое обычно получает рядовой капский фермер, да к этому и некоторой искушенностью в военном деле. Родился он в мет-

¹ На английском языке слово «бур» (boor) означает «мужик», «деревенщина».

рополии, а в колонию пришел не бедным искателем счастья, а офицером голландского полка, стоявшего тогда в тех краях.

Военным он оставался недолго.

Некой розовощекой и златокосой Гертруде, дочке богатого фермера, приглянулся молодой лейтенант, и он тоже ее полюбил. Они поженились. Вскоре после их свадьбы отец Гертруды умер, и большая ферма со всем табуном, с готтентотами, курдючными овцами и длиннорогими быками перешла к Гертруде. Это навело ее мужа-солдата на мысль уйти из полка и стать фее-буром, то есть фермером-скотоводом, что он и сделал.

Случилось это за несколько лет до того, как англичане завладели Капской колонией. К приходу англичан Гендрик ван Блоом стал уже в колонии влиятельным человеком и фельдкорнетом² по своему округу, лежавшему в живописной местности, в графстве Грааф-Рейнет. В ту пору он был вдовцом с четырьмя детьми на руках. Его горячо любимой жены, розовощекой, златокосой Гертруды, уже не было в живых.

История расскажет вам, как голландские колонисты, недовольные правлением англичан, восстали против них. Бывший лейтенант, начальник ополчения, сделался одним из видных предводителей повстанцев. История расскажет вам далее, что восстание было подавлено, а многие замешанные в нем лица казнены. Ван Блоом спасся бегством, но его прекрасное имение в Грааф-Рейнете конфисковали и отдали другому.

Несколько лет спустя мы застаем его в дальнем округе за великой рекой Оранжевой, где он ведет жизнь трек-бура, то есть фермера-кочевника, который не избирает постоянного пристанища, а переходит со своими стадами с места на место, оседая на время там, где ему приглянутся пастбища и плещется вода.

В ту пору я и завел знакомство с ван Блоомом и его семьей. О событиях его прежней жизни я успел уже рассказать все, что знаю, но его история за последующие годы известна мне в мельчайших подробностях. Я слышал ее из уст его родного сына. Рассказы молодого человека были очень занимательны и в то же время поучительны. Они явились для меня первыми уроками по зоологии Африки.

И вот, мой юный читатель, решив, что и для тебя они окажутся поучительными и занимательными, я излагаю их в этой книге. Ты не должен видеть в них один лишь вымысел. Все, что ты прочтешь в этой повести о диких животных, об их образе жизни, повадках, инстинктах, ты должен принимать как списанное с природы. Юный ван Блоом был истинным учеником Природы, и на правдивость его описаний можно вполне положиться.

Утратив вкус к политике, бывший начальник ополчения жил теперь на далекой окраине, можно даже сказать – вне границ колонии, потому что от ближайшего европейского поселения его отделяла добрая сотня миль. Его крааль лежал в округе, примыкавшей к великой пустыне Калахари, которую называют Сахарой Южной Африки. Местность на сотни миль вокруг была необитаема: разбросанные тут и там группы бушменов – дикарей, почти лишенных человеческого облика, – едва ли с большим правом можно назвать населением, чем хищных зверей, рыскающих вокруг них.

Я уже сказал, что ван Блоом сделался трек-буром. Фермеры Капской колонии занимаются по преимуществу разведением лошадей и рогатого скота – коров, овец и коз; эти животные и составляют богатство бура. Но у бывшего повстанца осталось теперь совсем небольшое стадо. Попад в «черный список», он лишился бывшего богатства, а кочевое скотоводство на первых порах не принесло ему удачи. Закон об отмене рабства, принятый английским правительством, распространялся не только на негров Вест-Индских островов, но и на готтентотов Капской земли; поэтому слуги минхера ван Блоома покинули его. Некому было

² *Фельдкорнет* – начальник бурского конного ополчения, созывавшегося в случае военной опасности или для набегов на негритянские территории.

теперь ходить за скотом, и животные стали отбиваться от стада. Иные из них сделались добычей хищников, другие погибли от мора. Табун его поредел от загадочной южноафриканской болезни – «конской хвори», – а отара овец все таяла, расхищаемая гиенами и гиеновыми собаками – симрами. Так терпел он постоянный урон, пока не осталось у него от силы сто голов лошадей, коров, овец и коз. Все же ван Блоом не считал себя обиженным судьбой. Было у него три славных сына – Ганс, Гендрик и Ян. Была розовощекая, златокосая дочка Гертруда, точный образ и подобие ее покойной матери. Он связывал с ними надежду на лучшее будущее.

Два старших мальчика были ему уже помощниками в его трудах, того же вскоре можно было ждать и от младшего. Гертруда – или Трейи, как называл ее отец ласкательно, – обещала сделаться со временем отличной хозяйкой. Так что он не был несчастлив и если иногда с печальным вздохом смотрел на дочку, то лишь потому, что маленькая Трейи вызывала в его памяти образ покойной Гертруды.

Нет, Гендрик ван Блоом был не из тех, кто склонен впадать в уныние. Неудачи его не сломили. Он с удвоенным рвением принялся наново ковать свое счастье. Ради себя самого он не стремился бы к обогащению. Он удовольствовался бы той же простой жизнью, которую до сих пор вел. Но его смущала забота о будущем семьи. Не мог он примириться с мыслью, что дети его так и вырастут среди необитаемых степей и не получают образования. Нет, они должны со временем вернуться к людям, должны участвовать в жизни цивилизованного общества. Так он решил.

Но как этого добиться? Хотя так называемая «измена» была прощена ван Блоому и он получил право вернуться в пределы колонии, у него не было к тому возможности. Продав все свое поредевшее стадо, он не собрал бы достаточно денег, чтобы переехать в город: их едва хватило бы на месяц жизни. Вернуться – значило вернуться нищим! Эти размышления поселяли в нем тревогу. Но они же придавали ему энергию и зажигали желанием преодолеть все препятствия, встававшие на пути.

Последний год ван Блоом трудился с особенным упорством. Стараясь обеспечить на зиму кормом скот, он засеял большое поле кукурузой и гречихой, и теперь и та и другая дали богатые всходы. Его сад и огород тоже цвели и обещали изобилие фруктов, дынь и разных овощей. Словом, тот кусок земли, на котором временно обосновался бывший повстанец, был теперь оазисом в миниатюре. Изо дня в день все с большей радостью ван Блоом взирал на созревающие плоды и посеvy. Вновь начинал он мечтать о полном достатке – надеялся, что наступил конец его невзгодам.

Увы! То была обманчивая надежда. Ван Блоома ждал еще долгий ряд испытаний и несчастий, лишивших его почти всего, что у него было, по-новому определивших весь уклад его жизни. Впрочем, эти происшествия едва ли следует именовать несчастьями, так как в конце концов они имели хороший исход.

Но об этом, юный читатель, ты составишь собственное мнение, когда познакомишься целиком с историей приключений трек-бура и его семьи.

Глава II

Крааль

Бывший фельдкорнет сидел перед своим краалем, как называют в Южной Африке усадьбу. Из рта у него торчала огромная пенковая трубка на длинном чубуке. Все буры – курильщики.

Наперекор бесчисленным утратам и невзгодам минувших лет в глазах у него светило довольство. Его радовал прекрасный вид посевов. Кукуруза уже «налилась молоком», и початки, укутанные в папирусообразную обертку, казались крупными и полновесными. С восхищением слушал он шелест зеленых клиновидных листьев и смотрел на золотые кисти, колеблемые ветром. Сердце фермера согревалось, когда он окидывал взглядом посева, обещавшие обильный урожай.

Но еще теплее становилось у него на сердце, когда глаза его останавливались на детях. Вот они, все здесь, вокруг него! Ганс – самый старший, степенный, рассудительный – трудится в саду, так хорошо разбитом, в то время как младший, шалунишка Ян – малорослый, но бойкий – поглядывает на брата, и нет-нет, да чем-нибудь поможет ему. Гендрик – запальчивый Гендрик, с жарким румянцем на щеках и светлыми курчавыми волосами – чистит лошадей в «конском краале»; а Треи, прелестная Треи, розовощекая, златокосая, возится со своей любимицей – полугодовалой газелью из породы горных скакунов, чьи яркие глаза милым и чистым своим выражением могут сравниться только с ее собственными глазами.

Да, недаром бывший фельдкорнет радуется всей душой, когда переводит взор с одного своего ребенка на другого. Все они хороши собой, все обладают хорошими задатками. Лишь иногда, когда ему случается остановить глаза на розовощекой, златокосой Гертруде, у него, как мы говорили, сжимается сердце.

Время, однако, давно превратило его скорбь в мягкую грусть. Вот и сейчас приступ тоски быстро миновал, и лицо фельдкорнета вновь просветлело при взгляде на сыновей, подающих такие добрые надежды.

Ганс и Гендрик уже достаточно сильны, чтобы помогать отцу в его занятиях; да и то сказать, только на их помощь он и мог рассчитывать – на них да еще на Черныша.

Кто же такой Черныш?

Загляните в «конский крааль», и вы там увидите Черныша: он помогает своему молодому хозяину Гендрику оседлать двух лошадей. Приглядевшись, вы решите, что Чернышу лет тридцать; столько ему и есть, но, если бы вы попробовали измерить его рост, получилось бы четыре фута с небольшим. Он, впрочем, крепко сложен, и объем груди у него почти такой, как у людей нормального роста. Вы увидели бы также, что лицо у него желтое, хотя по его имени могли бы подумать, что он негр. Вы заметили бы, что нос у него приплюснутый и тонет в круглых щеках, губы очень толстые, ноздри широкие, лицо безбородое, а голова почти безволосая, потому что редкие маленькие клочки кудлатой шерсти, разбросанные по всему черепу, едва ли можно назвать волосами. И вы, конечно, обратили бы внимание на то, как несоразмерно велика у него голова и в соответствии с нею и уши, а в выражении его глаз вам почудится что-то китайское. Словом, вы могли бы отметить в Черныше все характерные особенности южноафриканского готтентота. Однако Черныш не готтентот, хоть и принадлежит к той же расе. Он бушмен.

Как же дикарь-бушмен попал на службу к бывшему фельдкорнету ван Блоому? Об этом я могу рассказать небольшую романтическую историю. Вот она.

Среди диких племен Южной Африки бытует очень жестокий обычай: бросать своих стариков и калек, а часто также больных или раненых на одинокую смерть в пустыне. Дети

в пути покидают родителей, и товарищи нередко уходят от раненого, оставив им только на день пищи да кружку воды. Жертвой такого обычая сделался и бушмен Черныш. Вместе с несколькими своими сородичами он отправился на дальнюю охоту и был сильно покалечен львом. Товарищи, решив, что он не выживет, оставили его умирать в голой степи; и он бы, наверно, погиб, если б не наш ван Блоом. Тот, кочуя в степях, набрел на раненого бушмена, забрал его, отвез на свое становище, перевязал ему раны и выходил. Так Черныш оказался на службе у фельдкорнета.

Благодарность, говорят, не очень свойственна его племени, но Черныш проявил себя иначе. Когда все другие слуги разбежались, он не изменил своему хозяину и с той поры сделался для него самым деятельным и полезным помощником. Ведь только он один и остался при ван Блооме, он да девушка-служанка Тотти; она была, как вы догадываетесь, готтенткой и почти такого же роста и сложения, такого же цвета кожи, как и сам Черныш.

Как мы сказали, Черныш и юный Гендрик взнуздывали двух лошадей. Управившись с этой задачей, они вскочили в седла, выехали из краала и направились прямо в степь. Их сопровождала пара сильных, свирепого вида собак.

Им надо было, как и всегда в этот вечерний час, пригнать домой коров и лошадей, пасшихся на дальних лугах, потому что в Южной Африке приходится запира́ть на ночь стада, чтобы защитить их от хищников. Для этого строятся загоны с высокими заборами – краали. Слово «крааль» однозначно с испанским «corral», и, мне думается, оно ввезено в Африку португальцами; во всяком случае, это слово не туземное.

Краали для скота – важная часть усадьбы бура, почти столь же важная, как его собственный дом, который тоже называют краалем.

Итак, Гендрик с Чернышем уехали за лошадьми и стадом, а Ганс, оставив работу в саду, отправился загонять овец. Овцы паслись в другой стороне, неподалеку от дома, и Ганс пошел пешком, прихватив с собою маленького Яна.

Тре́йи, привязав своего любимца к столбику, пошла в дом, помочь Тотти приготовить ужин. Ван Блоом остался наедине со своей трубкой, которую он все не выпускал из рта. Он сидел в полном молчании, хоть и еле сдерживался, чтобы не выразить громким возгласом радость, которую чувствовал, видя, как прилежно трудятся его домочадцы. Всеми своими детьми был он доволен, но, надо сознаться, он питал некоторое пристрастие к запальчивому Гендрику, носившему одно с ним имя и больше остальных походившему на него самого в молодые годы. Отец гордился красивой посадкой Гендрика в седле, и он провожал его взором, пока всадники не удалились почти на милю и там уже потерялись среди стада.

В эту минуту перед глазами ван Блоома появился предмет, сразу приковавший к себе его внимание. В той стороне, где скрылись Гендрик и Черныш, но, по-видимому, дальше, за пастбищем, стлалось какое-то необычное облако. Оно походило на бурый туман или дым, как будто где-то далеко-далеко горела степь.

Неужели пожар? Неужели кто-то поджег кустарник в степи? Или идет туча пыли?

Ветер был не настолько силен, чтобы поднять такое облако пыли, но с виду это была все-таки пыль. Или ее подняли животные? Может быть, появилось в степи большое стадо антилоп, которые двинулись в поиски новых пастбищ? На много миль облако заволокло горизонт, но ван Блоом знал, что стадо антилоп нередко захватывает пространство в десятки миль. И все же ему не верилось, что это антилопы.

Он смотрел и смотрел на странное явление, стараясь по-всякому его себе объяснить. Вот облако как будто поднялось в небе выше, походя то на пыль, то на дым огромного пожара, то на рыжую тучу. Идет оно с запада и уже закрыло собой вечернее солнце. Оно прошло заслоном по солнечному диску, и лучи его уже не падают на равнину. Не предвестник ли это страшного бурана или землетрясения?

Такая мысль пронеслась в уме ван Блоома. Завеса не похожа на обыкновенную тучу... не похожа на облако пыли... не похожа на дым. Не похожа ни на что, что доводилось ему видеть раньше. Неудивительно, что им овладели беспокойство и дурные предчувствия.

Вдруг темно-рыжая масса обволокла и стадо на равнине, и ван Блоом увидел, как скот заметался с перепугу. Потом показались два всадника и тотчас исчезли в бурой мгле. Ван Блоом вскочил, теперь уже не на шутку встревоженный. Что это могло значить?

На возглас, которого он не сдержал, прибежали из дому Тотти и маленькая Трейи; а тут, загнав овец и коз, вернулись и Ганс с Яном. Все смотрели на необычайное явление, но никто не мог сказать, что это такое. Все были в сильной тревоге.

Пока они стояли так и, скованные ужасом, глядели на тучу, из нее вырвались два всадника и пустились галопом по степи прямо к дому. Они неслись во весь опор, но еще не успели они доскакать, как, обгоняя коней, донесся голос Черныша.

– Баас ван Блоом! – кричал он. – Спринган идет! Спринган! Спринган!

Глава III

Саранча

– А! Spring-haan! – воскликнул ван Блоом, разобрав голландское наименование знаменитой перелетной саранчи. – Прыгунки!

Загадка была разрешена. Странная туча, шедшая по степи, оказалась летящей саранчой.

Кроме Черныша, никому из них не доводилось раньше наблюдать это зрелище. Правда, сам ван Блоом довольно часто видел саранчу и даже разных пород – в Южной Африке встречается несколько видов этого своеобразного насекомого, – однако никогда он не видел ее в таком количестве. А сейчас перед ним была настоящая перелетная саранча, которую случается встретить совсем не так часто, как можно бы заключить по рассказам путешественников. Чернышу саранча была хорошо известна. Когда он так громогласно возвестил о ее прилете, он вовсе не был испуган. Наоборот, его большие, толстые губы расплылись поперек лица в смешной гримасе радости. Инстинкты дикаря забурили в маленьком бушмене. У его народа налет саранчи вызывает не ужас, а ликование – ее появление для туземца желанно, как богатый улов креветок для рыбака из Ли³ или как добрый урожай для землепашца.

Родовались и собаки: они лаяли, повизгивали и резвились, словно предвкушая охоту. Когда выяснилось, что это только саранча, у всех сразу отлегло от сердца. Младшие – Трейи с Яном – смеялись, хлопали в ладоши и с нетерпением ждали, чтоб она подлетела поближе. Все были достаточно наслышаны о саранче и знали, что это всего-навсего «прыгунки» – нечто вроде кузнечиков: они не кусаются, не жалят, бояться их нечего.

Даже сам ван Блоом сперва несколько не был озабочен. После тяжелых предчувствий было большим облегчением услышать, что это лишь перелет саранчи, и фермер стал с любопытством его наблюдать, не подумав, что он ему сулит. Но вдруг его мысли приняли иное течение. Он обвел взором свое кукурузное и гречишное поле, свои дыни, свой сад и огород; новая тревога овладела им; в памяти одна за другой всплывали слышанные им истории об этих опустошителях, и, когда встала перед ним вся неприкрытая правда, он весь побелел, и горький стон сорвался с его губ.

Дети изменились в лице. Они видели, что отца что-то мучает, хоть и не понимали, что. И они жались к нему, не смея ни о чем спросить.

– Погибло! Все погибло! – твердил он. – Весь наш урожай – труды целого года, – все пошло прахом! Ах, мои бедные дети!

– Почему погибло?.. Почему пошло прахом? – спросили в один голос Гендрик и Ян.

– Перелетная саранча! Она сожрет наш урожай – весь как есть!

– Да, правда, – подтвердил Ганс: в книгах по естественной истории, которыми он так увлекался, ему нередко случалось читать о том, какие опустошения производит саранча.

Радостные лица снова омрачила печаль, и дети уже с иным чувством глядели на далекую тучу, так неожиданно затмившую их радость. У ван Блоома были все основания для страха. Если полчище надвинется и оседет на его поля, тогда прощай надежда на жатву. В мгновение ока саранча сгложет всю зелень на его земле. Она не оставит на своем пути ни стебелька, ни листика, ни соломинки.

Все стояли, с мучительным беспокойством следя за движением тучи. Ее отделяло от них еще добрых полмили. Казалось, она вовсе и не приближается. Хорошо бы!

³ Ли (англ. Leigh) – приморский город в северо-западной Англии.

Луч надежды зажегся в душе ван Блоома. Фермер снял свою широкополую поярковую шляпу и подержал ее в протянутой руке. Дул северный ветер, а туча была сейчас на запад от крааля. Саранча надвигалась с севера, как это почти всегда бывает в Южной Африке.

– Да, – сказал Гендрик, который побывал в самой гуще саранчи и знал, в какую сторону движется полчище, – она идет с севера. Когда мы повернули коней и помчались галопом домой, мы быстро ушли от нее, и она, как видно, летела не за нами вслед; я уверен, что она летит к югу.

Ван Блоом утешался надеждой, что, поскольку на север от крааля горизонт чист, саранча, возможно, пройдет стороной, минуя его ферму. Он знал, что обычно она идет по ветру. Пока ветер не переменится, она не сворачивает со своего пути. Жадно всматривался он в даль. Кромка тучи, видел он, не приближается. Надежды крепили. Его лицо просветлело. Дети, заметив это, радовались, но ничего не говорили. Все стояли молча, смотрели, что будет.

Странное это было зрелище. Стоило понаблюдать не только за тучей насекомых. В воздухе над ней сновало множество птиц – странных птиц разных пород. На бесшумных, медленных крыльях реял бурый орику, самый крупный из африканских грифов; а рядом с ним – желтый стервятник, ястреб Кольбе. Парил на широко развернутых крыльях бородастый коршун. Клекотал большой кафрский орел, и бок о бок с ним кривлялся смешной короткохвостый фигляр. Там были соколы всяких размеров и окрасок, коршуны, рассекавшие воздух, вороны и вороны и множество видов насекомоядных. Но всех больше было здесь маленьких рябеньких птичек, напоминавших ласточку. Мириады их темнили воздух, сотни их непрерывно ныряли в тучу насекомых и вновь взмывали ввысь, каждая с добычей в клюве. У англичан эта птичка зовется саранчовым грифом, но она не принадлежит к роду грифов. Питается она исключительно насекомыми, и наблюдатели никогда не встречали ее в местах, где не водится саранча. Она следует за саранчой во всех ее перелетах, свивая гнезда и выводя птенцов вблизи от своей добычи.

Да, зрелище было любопытное – это сонмище крылатых насекомых и их бесчисленных врагов. Люди стояли и глядели дивясь. Нет, живая туча нисколько не приближалась, и надежда ван Блоома крепла.

Туча в самом деле двигалась к югу и теперь заволакивала на западе весь горизонт. Было видно, как она постепенно опадала, как ее верхняя кромка мало-помалу опускалась, очищая небо. Значит, саранча уходила на запад? Нет.

– Они устраиваются на ночлег, мы их теперь наберем полные мешки! – сказал с довольным видом Черныш.

Для него саранча составляла лакомство, и он готов был пожирать ее с таким же рвением, как орел и коршун или даже сам саранчовый гриф.

Как сказал Черныш, так и случилось. Туча действительно осела на равнину.

– Солнца нет – они не летают, – продолжал бушмен. – Слишком холодно. Они до утра как мертвые.

Так оно и вышло. Солнце закатилось, холодный ветер ослабил крылья маленьких кочевников и принудил их заночевать на деревьях, кустах и траве. Несколько минут – и темного тумана, только что застилавшего весь горизонт, не стало видно; но равнина вдали приобрела такой вид, точно по ней прошел пожар. Ее густо покрыли тельца насекомых, и, сколько глаз хватал, вся она почернела. Птицы-попутчики, почуяв приближение ночи, подняли крик, потом разлетелись во все стороны. Одни опустились на скалы, другие укрылись в низких зарослях мимозы, и вот через короткое время на земле и в воздухе все смолкло.

Ван Блоом беспокоился о своем скоте. Силуэты животных вырисовывались далеко в степи, покрытой саранчой.

– Дай им немного подкормиться, баас, – посоветовал Черныш.

– Чем подкормиться? – спросил хозяин. – Не видишь разве – вся трава завалена этой нечистью!

– Самими прыгунками, баас, – ответил бушмен. – Хороший корм для большого быка, лучше, чем трава, лучше даже, чем кукуруза.

Но поздний час не позволял оставлять дольше скот в степи: скоро выйдут на прогулку львы – возможно, из-за саранчи раньше обычного, потому что и царь животных не брезгает наполнить свой желудок этими насекомыми, когда удастся набрести на них. Ван Блоом счел необходимым поскорее загнать свой скот в крааль. Оседлали третьего коня, и начальник ополчения сам сел в седло и выехал в степь, взяв с собой Гендрика и Черныша.

Необычайная картина представилась их глазам, когда они приблизились к саранче: красные тельца покрывали землю толстым слоем, иногда в несколько дюймов толщины. Всю листву, все ветви кустов гроздьями облепила саранча. Не осталось ни листика, ни травинки, не покрытых насекомыми. Саранча была неподвижна, словно в оцепенении или во сне. Вечерний холод лишил ее способности летать.

Но самым странным в глазах ван Блоома и Гендрика было поведение их собственных лошадей и коров. Они паслись неподалеку, в самой гуще уснувшего неприятеля, но нимало не были этим встревожены. Они жадно набирали в рот насекомых и мололи их в зубах, точно зерно. Сколько их ни гнали, они нипочем не хотели уходить с пастбища; и только рычание льва, разнесшееся в тот час по степи, да кнут, пущенный в ход Чернышем, сделали их более послушными, и они наконец дали загнать себя в краали и расположились на ночлег.

Глава IV

Беседа о саранче

Тревожно протекала ночь в краале ван Блоома. Если ветер повернет на запад, утром саранча непременно покроет сад и поля, и тогда весь его урожай погиб. Или хуже того: саранча, возможно, истребит зелень во всей окрестности, миль на пятьдесят, а то и более. Чем он тогда прокормит свой скот? Не просто будет уберечь его. Коровы могут передохнуть раньше, чем удастся перегнать их на какое-нибудь пастбище.

Такой исход представлялся вполне вероятным. В истории Капской колонии было немало случаев, когда бур после налета саранчи терял свое стадо. Неудивительно, что ночь в краале трек-бура протекала тревожно. Время от времени ван Блоом выходил во двор проверить, не переменился ли ветер. До позднего часа перемены не замечалось. Дул по-прежнему легкий ветерок с севера – из великой пустыни Калахари, откуда, по всей видимости, и прилетела саранча. Ярko светила луна, и свет ее мерцал над темным полчищем насекомых, покрывшим степь. Доносилось рычание льва вперемежку с пронзительным лаем шакалов и сумасшедшим хохотом гиены. Эти и многие другие звери радовались богатому пиршеству.

Видя, что ветер не меняется, ван Блоом немного успокоился, и они стали разговаривать о саранче. Больше всех рассказывал Черныш, так как он лучше других был знаком с предметом, видел в жизни не первый налет саранчи и съел ее не один бушель⁴. Но откуда она появилась, Черныш не знал. Он никогда не задавался этим вопросом. Ответ на него предложил начитанный Ганс.

– Саранча, – сказал он, – приходит из пустыни. Она откладывает свои яички в песок или в пыль; там они и лежат, пока не выпадут дожди и не начнет усиленно расти трава. Тогда из яичек вылупляются личинки саранчи, которые на первых порах питаются этой травой. Истребив ее, они по необходимости пускаются на поиски нового корма. Отсюда миграции, как называют такие походы.

Объяснение показалось понятным.

– А я вот слышал, – заговорил Гендрик, – будто фермеры, чтобы не подпустить саранчу, раскладывают вокруг посевов костры. Но разве костры удержат саранчу, даже если сделать настоящий огненный забор вокруг поля? Ведь она крылатая и может легко пролететь над огнем.

– Костры разводят, – ответил Ганс, – в расчете, что дым не даст саранче опуститься на поле; но чаще их разводят против бескрылой, так называемой пешей саранчи. Это, собственно, не сама саранча, а ее личинки, у которых не отросли еще крылья. Пешая саранча тоже пускается в поиски корма и нередко производит больше опустошений, чем взрослые насекомые, которых мы видим сейчас. Она передвигается по земле ползком и, прыгая наподобие кузнечиков, идет все время в одном направлении, следуя инстинкту, побуждающему ее держаться определенного курса. Ничто не может остановить неукротимое движение вперед, пока саранча не придет к берегу моря или какой-нибудь широкой и быстрой реке. Маленькие реки она переплывает, да и большие тоже, если течение в них медленное. Нигде не сворачивая, взползает она на заборы, на дома, даже на дымовые трубы и, перейдя преграду, продолжает свой путь в том же направлении. При попытках перейти широкие и быстрые реки она тонет в несчетных количествах, и река сносит ее в море. Небольшие скопления саранчи фермерам иногда удается задержать посредством огня, как ты и слышал, Гендрик. Но когда саранча появляется в большом числе, тогда и от огня не будет проку.

⁴ Бушель – мера сыпучих тел; содержит около 36,3 литра.

– Но как же это так, брат? – допытывался Гендрик. – Ту саранчу, о которой ты рассказываешь, можно, сам говоришь, остановить при помощи костров – это и понятно, она бескрылая. Только как, в таком случае, она проходит через огонь? Перепрыгивает?

– Нет, по-другому, – отвечает Ганс. – Костры разводят слишком большие и широкие, их не перепрыгнешь.

– Как же они проходят, брат? – спросил Гендрик. – Мне невдомек.

– И я не понимаю, – сказал маленький Ян.

– И я, – добавила Трейи.

– Сейчас объясню, – продолжал Ганс. – Миллионы насекомых ползут прямо в огонь и гасят его.

– Ого! – вскричали все разом. – И они не сгорают?

– Сгорают, конечно, – ответил Ганс. – Они обугливаются и гибнут целыми мириадами. Но их бессчетные тельца забивают костры. Передние ряды великого полчища приносятся в жертву, и остальные проходят невредимо по трупам погибших. Итак, вы видите, даже огонь не может остановить саранчу, когда она многочисленна. Во многих местностях Африки, там, где туземцы занимаются земледелием, едва разнесется весть, что начался перелет саранчи и что она идет на их поля и сады, среди жителей поднимается настоящая паника. Они знают, что неизбежно лишатся урожая, и потому налет саранчи внушает им не меньший ужас, чем землетрясение или другое стихийное бедствие.

– Нам ли не понять их чувства! – заметил Гендрик и многозначительно переглянулся с другими.

– Крылатая саранча, – продолжал Ганс, – по-видимому, не так неуклонно следует взятому направлению, как ее личинки. Она держится по ветру. Зачастую ветер сносит ее всю в море, где она погибает массами. Случалось, находили мертвые тельца саранчи, прибитые обратно к берегу в невероятных количествах. В одном месте море выбрасывало их на отмель, пока не выросла гряда в четыре фута высоты и пятьдесят длины. Некоторые известные путешественники утверждали, что трупный запах, пропитавший воздух, чувствовался в полутораста милях от берега!

– Ну да! – сказал маленький Ян. – Не поверю я, что у кого-нибудь такой хороший нюх.

При этом замечании все дружно рассмеялись. Только ван Блоом не разделял веселья. Его лицо стало к этому часу совсем хмурым.

Чернышу тоже было что порассказать о саранче.

– Бушмен не боится прыгунка, – говорил он: – у бушмена нет сада, нет кукурузы, нет гречихи – нет ничего, что ест прыгунка. Бушмен сам ест саранчу. Все едят прыгунка. Все жиреют в налет саранчи. Го-го! Славный прыгунка!

Замечание Черныша было, в сущности, верным. Саранчу едят почти все виды животных, какие водятся в Южной Африке. Ее с жадностью пожирают не только плотоядные, но и другие звери и птицы. Антилопы, куропатки, цесарки и дрофы и, как ни странно покажется, даже самый крупный из зверей – слон-исполин совершают путешествия за много миль, чтобы только поживиться на перелетах саранчи. Домашняя птица, овцы, лошади и собаки жрут ее столь же охотно. И еще одна странная вещь – саранча сама ест саранчу! Если среди прыгунов появляется раненый, то другие немедленно накидываются на него и съедают. Бушмены и прочие африканские народы едят саранчу не в сыром виде, а сперва варят ее или жарят.

Иногда, хорошенько высушив, ее толкут в муку и потом, замешивая на воде, изготовляют из нее особого рода вареву. Хорошо провяленная саранча сохраняется очень долго, и для беднейших дикарей она порой составляет весь запас пищи на целых полгода.

Многие племена, в особенности те, что не знают земледелия, встречают нашествие саранчи, как праздник. Снарядившись в путь с мешками, а нередко и с упряжкой волов,

люди отправляются всей деревней собирать саранчу, и в таких случаях ее ссыпают горами и запасают впрок – совсем как зерно.

В разговорах обо всем этом проходил вечер, пока не настало время ложиться спать. Ван Блоом еще раз вышел узнать направление ветра, потом заперли в краале дверь, и все улеглись.

Глава V

Налет саранчи

Ван Блоому не спалось. Беспокойство гнало от него сон. Он ворочался, метался и думал о саранче. А если и засыпал на минутку, то видел во сне саранчу, сверчков, кузнечиков и всякого рода больших долгоногих, пучеглазых насекомых. Он обрадовался, когда первый луч света проник в маленькое оконце его комнаты. Он вскочил с кровати и, едва дав себе время одеться, выбежал на воздух. Было еще темно, но это не помешало понять, откуда дует ветер. Не понадобилось даже подбросить перо или поднять шляпу, истина и так была слишком ясна. Дул сильный ветер – и дул с запада! Не помня себя, ван Блоом побежал дальше, чтоб удостовериться, что не ошибся. Выбежал за ограду, окружавшую крааль и сад. Здесь он остановился еще раз и проверил, откуда дует ветер. Увы, первое впечатление не обмануло его. Дуло прямо с запада – прямо от саранчи. Он улавливал запах ненавистных насекомых; не оставалось места для сомнений. Подавив стон, фермер вернулся в дом. Больше он не надеялся избежать страшного нашествия. Первой его заботой было собрать все, что было в доме полотняного – белье, одежду, куски холста – и заложить в семейные сундуки. Почему? Неужели он опасался, что саранча поест материю?

Да, опасался – эта прожорливая тварь не гнушается ничем. У нее нет в еде каких-либо пристрастий. Горький лист табака ей, видимо, так же по вкусу, как сладкий и сочный стебель кукурузы. Полотно, хлопчатобумажную ткань и даже фланель она пожирает, как будто это нежные побеги, зелени. Камень, железо да самое твердое дерево – вот, пожалуй, все, что оставляют нетронутым ее жадные челюсти. Ван Блоом об этом слышал, Ганс читал, а Черныш знал по собственному опыту. Поэтому то, что могло пострадать от саранчи, было предусмотрительно убрано; потом приготовили завтрак и в молчании съели его. На всех лицах лежала печаль, потому что глава семьи сидел безмолвный и подавленный.

Несколько коротких часов – и такая перемена! Еще накануне вечером ван Блоом и его маленькая семья наслаждались полнотой счастья...

Оставалась последняя, но очень слабая надежда. Что, если, на счастье, пойдет дождь? Или день окажется холодным? И в том и в другом случае, сказал Черныш, саранча не сможет расправить крылья – в холод и дождь она не летает. Если день выдастся холодный или сырой, она не поднимется, а потом ветер, возможно, опять переменится. О, хлынул бы ливень! Или день оказался бы холодный и облачный! Тщетное желание, тщетная надежда! Лишь полчаса прошло после того, как встало яркое африканское солнце, а его горячие лучи уже обогрели спящее воинство и вернули его к жизни. Насекомые начали ползать, подсакивать, и вот, точно по единому импульсу, мириады их поднялись на воздух. Ветер направил их полет в ту сторону, куда он дул, – в сторону обреченного кукурузного посева.

Через пять минут – и даже меньше – после того, как саранча взлетела, она была над краалем и начала десятками тысяч оседать на окрестные поля. Полет ее был медлителен, спуск мягок, и тем, кто снизу наблюдал за ней, представлялось, будто падает большими перистыми хлопьями черный снег. За несколько мгновений она покрыла собою всю землю. Каждый початок кукурузы, каждое растение, каждый куст нес на себе сотни насекомых. До края равнины, насколько глаз хватал, все пастбища были густо усеяны саранчой; она направила свой полет уже на восток от дома, и солнечный диск снова померк, застланный тучей.

Саранча подвигалась как бы эшелонами: тыловые отряды все время перелетали на передовую линию и затем, сделав привал, кормились до тех пор, пока их, в свою очередь, не обгоняли задние, двигавшиеся тем же порядком.

Не менее любопытен был шорох, производимый их крыльями: он напоминал непрерывный шелест ветра в лиственном лесу или шум воды под мельничным колесом.

Перелет саранчи над фермой длился два часа. Почти все это время ван Блоом и его семья просидели в доме, затворив двери и окна: неприятно было оставаться во дворе под ливнем насекомых, которых ветер нередко швырял в лицо с такой силой, что делалось больно. Но, помимо того, не хотелось давить ногами непрошенных гостей, а без этого нельзя было и шагу ступить из дому, потому что земля была покрыта сплошным слоем саранчи. Все же немало ее заползло внутрь дома сквозь щели в двери и окне, и она с жадностью набрасывалась на все предметы растительного происхождения, какие случайно остались неубранными.

Через два часа ван Блоом выглянул наружу. Саранча почти вся уже пролетела. Снова светило солнце, но что оно освещало! Не зеленые поля и цветущий сад, нет. Вокруг дома со всех сторон – с севера, с юга, с востока и запада – глазам представлялась только черная пустыня. Не видно было ни былинки, ни листика – даже кора на деревьях была обглодана, и теперь они стояли, словно убитые карающей дланью. Если бы прошел по земле степной пожар, он не мог бы оставить большей наготы и разора. Не было сада, не было гречишных и кукурузных полей, не было больше фермы – крааль стоял среди пустыни! Не передать словами, что почувствовал в ту минуту ван Блоом. Не описать пером его мучительных переживаний. За два часа такая перемена! Он едва верил глазам, едва верил в реальность случившегося. Он знал, что саранча пожрет его кукурузу и гречиху, овощи и плоды, но воображение его не в силах было нарисовать такую картину полного опустошения, какую явила действительность. Весь ландшафт преобразился – травы не было и в помине, деревья, нежная листва которых всего лишь два часа назад играла на легком ветру, теперь стояли мертвые, оголенные хуже, чем зимой. Самая земля точно изменила свои черты. Ван Блоом не узнавал своей фермы. Если бы владелец был в отлучке, когда здесь пролетала саранча, и вернулся, не предупрежденный о случившемся, он, конечно, не признал бы мест, где жил.

С флегматичностью, свойственной его народу, ван Блоом опустил на скамью и долгое время сидел так, безмолвный и недвижимый. Дети подходили, глядели на него, и юные их сердца сжимались от боли. Они не могли до конца понять, в какое трудное положение поставило их это событие; отец и тот не сразу понял. Он думал сперва лишь об ущербе, нанесенном гибелью прекрасного урожая; эта потеря и сама по себе, если вспомнить, как уединенно жил ван Блоом и как мало было у него надежды восстановить утраченное, явилась для него большим бедствием.

– Пропало! Все пропало! – воскликнул он горестно. – Ох, судьба, судьба! Снова ты жестока ко мне!

– Папа, не горюй! – сказал мягкий голосок. – Мы все живы, все подле тебя. – И при этих словах маленькая белая ручка легла ему на плечо.

То была ручка его милой Трейи.

Точно улыбнулся ему ангел. Ван Блоом взял девочку на руки и в приливе нежности прижал ее к сердцу. И на душе у него потеплело.

Глава VI

Запрягать – и в путь!

Ван Блоом знал, что не может предоставить свое спасение «деснице божьей». Не так он был воспитан. Он тотчас же взялся за дело, чтобы выйти из неприятного положения, в какое поставил его налет саранчи.

Нет, положение было хуже, чем неприятное, как начал теперь понимать ван Блоом, – положение было гибельное! Чем больше думал он, тем тверже убеждался в этом.

Вот они одни среди черной, голой равнины, на которой, куда ни глянь, нет зеленого пятна. Как далеко тянется она в такой наготе, он не мог определить, но он знал, что перелеты саранчи опустошают иногда пространства на тысячи миль. Не приходилось сомневаться, что этот перелет, разоривший его ферму, был из самых мощных.

Стало ясно, что оставаться в краале нельзя. Лошади, коровы, овцы не могут жить без корма, а если погибнет скот, чем существовать самому фермеру с семьей? Он должен бросить крааль. Должен отправиться в поиски пастбища, не теряя времени, немедленно! Животные, обеспокоенные тем, что их не выпустили в привычный час, уже на все лады поднимали свои голоса. Вскоре они почувствуют голод, и трудно сказать, когда удастся их накормить.

Нельзя было мешкать. Каждый час был дорог – не следовало терять лишней минуты даже на раздумье.

Ван Блоом уделил размышлениям всего лишь несколько минут. Оседлать самого быстрого из своих коней и пуститься одному на поиски пастбища? Или лучше сразу заложить фургон и отправиться в дорогу со всем добром?

Он избрал второе. Все равно приходится оставить обжитое место, бросить свой крааль. Если уехать сперва одному, он, возможно, не так скоро найдет место, где есть и трава и вода, а скот его тем временем будет страдать от голода.

Это соображение, да и ряд других склонили ван Блоома к тому, чтобы сразу же заложить фургон и пуститься в дорогу – с табуном, со стадом, с отарой, со своим добром и всей своей семьей.

– Запрягать – и в путь! – прозвучала команда.

И Черныш, гордившийся славой хорошего кучера, замахал своим бамбуковым кнутом, похожим на длинное удище.

– Запрягать – и в путь! – подхватил Черныш, привязывая к своей двадцатифутовой трости новый ремень, который он недавно сплел из шкуры антилопы каамы. – Запрягать – и в путь! – повторял он, щелкая кнутом так громко, точно стрелял из пистолета. – Да, баас, я сейчас запрягу!

И, уверившись, что бич хорошо прилажен, бушмен прислонил кнутовище к стене дома и пошел в коровий крааль отбирать волов для упряжки.

Сбоку подле дома стоял большой фургон – неременная принадлежность и гордость каждой капской фермы. Это был первоклассный экипаж под парусиновым верхом, послуживший фельдкорнету еще в его лучшие дни, экипаж, в котором он, бывало, возил жену и детей на увеселительные прогулки. В те дни в фургон впрягали цугом восьмерку отличных лошадей. Увы! Теперь их место предстояло занять волам, ибо весь табун ван Блоома составляли только пять коней, а они нужны были под седло. Но фургон был почти так же хорош, как и в давние годы, когда на него поглядывали с завистью все соседи из Грааф-Рейнета. Никаких поломок, все на своем месте. Все так же хорош белоснежный парусиновый верх с клапанами – передним и задним – и внутренними «карманами», все в исправности:

и изящно выгнутые колеса, и удобные козлы, и диссельбом⁵, и крепкий тректоу⁶ из буйволово- вой кожи. В целости и сохранности все, чему полагается быть у фургона. Он и в самом деле составлял лучшее из всего, что сохранилось у бывшего фельдкорнета, да и стоил не меньше, чем все коровы, быки и овцы на его ферме.

Пока Черныш и Гендрик вылавливали двенадцать упряжных волов и привязывали их к диссельбому и тректоу, сам баас занялся погрузкой мебели и пожитков, в чем ему помогали Ганс и Тотти, а также Трейи и маленький Ян.

Дело это было нетрудное. Скарб, заполнявший маленький крааль, был невелик, и его быстро погрузили, частью уложив внутри просторного экипажа, частью привязав снаружи.

За какой-нибудь час фургон был нагружен, волы запряжены, лошади оседланы, и все было готово, чтобы двинуться в путь.

И тут встал вопрос: куда?

До сих пор ван Блоом думал только о том, что нужно сняться с места и уйти за пределы лежавшей вокруг него оголенной степи. Теперь же необходимо было решить, в какую сторону держать им путь, – вопрос достаточно трудный. Двинуться туда, куда полетела саранча? Или туда, откуда она явилась? И в том и в другом случае пришлось бы пройти десятки миль, покуда встретишь хоть клочок травы для голодных животных; скот не выдержит и погибнет.

Или двинуться в другом каком-либо направлении? Но что, если они встретят траву, но не найдут воды? Без воды оказывалась под угрозой не только жизнь животных, но и собственная их жизнь. Итак, было очень важно выбрать правильный путь.

Сперва ван Блоом надумал было податься в сторону поселений. Если двинуться туда, ближайшую воду они нашли бы примерно в пятидесяти милях на восток от краалья. Но в этом направлении только что пролетела саранча. Она успела, конечно, опустошить всю местность – вплоть до реки Оранжевой, а может быть, и дальше. Было бы крайне рискованно направиться в ту сторону.

На север лежала пустыня Калахари. Податься туда – об этом нечего было и думать. Ван Блоом не знал ни одного оазиса в пустыне. К тому же саранча явилась как раз с севера. Когда ее впервые увидели, она летела к югу и притом, очевидно, долгое время – значит, успела опустошить в этом направлении равнину на большом пространстве. Ван Блоом прикидывал, что сулит им запад. Правда, враждебное полчище шло как раз оттуда, но ван Блоом полагал, что сперва оно надвинулось с севера и только внезапная перемена ветра заставила его свернуть со своего пути. Ван Блоом думал, что, подавшись на запад, он вскорости выберется из полосы опустошения.

О западной части равнины ему было кое-что известно – немного, правда, но все же он знал, что милях в сорока к западу от фермы есть родник с хорошей водой, а вокруг него – недурное пастбище. Он его открыл, разыскивая своих коров, которые, отбившись от стада, забрели однажды в такую даль. У него тогда явилась мысль, что здесь, пожалуй, лучшее место для скота, чем вокруг его фермы, и он не раз подумывал перебраться к источнику. Не сделал он этого лишь потому, что не хотел забираться в такую глушь. Он и без того жил далеко от поселений, но хотя бы мог поддерживать с ними связь. Если же обосноваться еще дальше, это станет крайне затруднительным. Но теперь, когда явились новые веские соображения, мысли его снова обратились к роднику, и, пораздумав как следует еще несколько минут, ван Блоом решил двинуться на запад.

Чернышу приказано было держать к западу. Бушмен мигом вспрыгнул на козлы, щелкнул мощным кнутом, выправил свою длинную упряжку и тронулся в путь по равнине. Ганс и Гендрик уже вскочили в седла и, очистив с помощью собак краали от всякой живно-

⁵ Диссельбом (гол.) – дышло.

⁶ Тректоу (гол.) – гуж.

сти, погналы впереди себя мычащий и блеющий скот. Трейи и маленький Ян сидели подле Черныша на козлах, и можно было увидеть, как из-под парусинового верха выглядывает с любопытством, поводя большими круглыми глазами, хорошенький горный скакун. Окинув последним взглядом свой опустевший крааль, ван Блоом натянул поводья и поскакал на коне вслед за фургоном.

Глава VII «Воды! Воды!»

Маленький караван продвигался отнюдь не в безмолвии. Почти непрерывно слышались окрики Черныша и шелканье его кнута. Это шелканье разносилось по равнине на добрую милю, точно раскаты мушкетных выстрелов. Громкие возгласы Гендрика тоже создавали изрядный шум; и даже тихий обычно Ганс по необходимости должен был кричать во весь голос, чтобы скот шел куда надо. Время от времени Черныш подзывал мальчиков помочь ему управиться с головными волами, когда те из упрямства или по лени вдруг оставались или же норовили свернуть с пути. Тогда либо Ганс, либо Гендрик скакал вперед, выравнивал волов, шедших во главе упряжки, и угощал их своим ямбоком.

Ямбок для строптивного вола – жестокий палач. Это эластичный, выделанный из шкуры носорога (или, еще лучше, из шкуры бегемота) кнут примерно в шесть футов длиной, постепенно суживающийся от ручки к концу.

Всякий раз, когда головным волам случалось заартачиться, а Черныш не мог дотянуться до них длинным фоорслагом⁷, Гендрик был рад пощекотать их своим тугим ямбоком; этим он держал волов в страхе и повиновении.

И получалось так, что почти все время одному из мальчиков приходилось скакать во главе каравана.

В Южной Африке воловью упряжку сопровождает обычно конный вожатый. Правда, у ван Блоома, с тех пор как сбежали от него слуги-готтентоты, волы приучены были тащить фургон без вожатого, и Черныш проехал не одну милю с помощью только лишь своего длинного кнута. Но после налета саранчи все вокруг имело такой необычный вид, что волы робели и дичились; к тому же саранча стерла все колеи и тропки, по которым они могли бы идти. Равнина была вся одинакова – нигде ни следа, ни меты. Даже сам ван Блоом с трудом узнавал черты местности и должен был держать путь по солнцу.

Гендрик скакал большей частью подле головных волов. Ганс, когда стадо наконец тронулось в путь, гнал его дальше без особого труда. Страх побуждал животных держаться кучно, а так как не было по сторонам травы, которая соблазняла бы их разбредаться, они шли хорошо.

Ван Блоом ехал во главе каравана, указывая дорогу. Ни он и никто из членов его семьи не переоделись в дорогу и пустились в путешествие в своем обычном платье. Сам ван Блоом был одет, как одеваются по большей части буры: на нем были широкие кожаные штаны, называемые в этой местности кракерами, длинный, просторный сюртук из зеленого сукна с глубокими наружными карманами, жилет из шкурки молодой антилопы, белая поярковая шляпа с широкими полями, а на ногах – полусапожки африканской некрашеной кожи, известные среди буров под названием «фольтскунен», то есть «деревенские башмаки». Через седло его был перекинут леопардовый каросс – плащ, а на плече висел его верный громобой – большое ружье чуть ли не в сажень длиной, с замком старинного образца, – весьма изрядный груз. На это ружье бур возлагает все свои надежды; житель американских девственных лесов, наверно, рассмеялся бы, взглянув на подобное оружие, но, познакомившись хоть немного со страной буров, он изменил бы свое мнение. Его собственное короткоствольное ружьецо, заряжаемое пулей не больше чем с горошину, принесло бы немного пользы в охоте на крупную дичь. В африканских степях не меньше истых охотников и смелых зверобоев, чем в лесах и прериях Америки.

⁷ Фоорслаг (гол.) – бич.

На левом боку у ван Блоома висел, высовываясь острым концом из-под руки, огромный гнутый рог для пороха – самый большой, какой только можно снять с головы африканского быка. Ван Блоом вывез его из страны бечуанов, хотя и на Капской земле почти все быки отличаются необычно длинными рогами. Ван Блоому этот рог служил, как сказано, пороховницей; набитый до краев, он вмещал фунтов шесть, не меньше. Патронташ из шкуры леопарда под правой рукой, охотничий нож за поясом и большая пенковая трубка, заправленная под ленту на шляпе, довершали снаряжение трек-бура ван Блоома.

Одежда, снаряжение и оружие Ганса и Гендрика мало чем отличались от отцовских. Штаны на них были, разумеется, из выделанной овчины, широкие, как всегда у юных буров, и на них тоже были сюртуки, и фолтскунены, и широкополые белые шляпы. У Ганса за плечом висело легкое охотничье ружье, у Гендрика – тяжелый карабин, так называемый «егер», превосходное оружие для охоты на крупную дичь. Гендрик очень гордился своим ружьем, и недаром: он наловчился попадать в гвоздь со ста шагов. Гендрик был в караване лучшим стрелком. У обоих мальчиков тоже были изогнутые полумесяцем рога-пороховницы и патронташи, набитые пулями. И у обоих лежали поверх седел плащи, но, в отличие от отцовского плаща, сделанного из редкостной шкуры леопарда, эти были попроще: из шкуры антилопы у одного, из шакалей – у другого. На маленьком Яне тоже были широкие штаны, сюртук, полусапожки и широкополая поярковая шляпа, – словом, Ян, хоть и был ростом в один ярд, по костюму являл собою копию отца – типичный бур в миниатюре. На Трейи была шерстяная синяя юбочка, изящный корсаж со шнуровкой, искусно расшитый по голландской моде, а ее белокурую головку защищала от солнца легкая соломенная шляпа с бантом и на ленте. Тотти была одета очень просто – в грубый домотканый холст; голова же у нее оставалась и вовсе непокрытой. А на Черныше была только пара старых кожаных кракеров, полосатая рубашка да еще каросс из овчины. Так выглядела одежда наших путешественников.

На добрых двадцать миль равнина была оголена. Ни былинки не осталось для скота, страдавшего к тому же без воды. Весь день ярко светило солнце, слишком ярко – его лучи пекли, как в тропиках. Путешественники едва ли выдержали бы этот зной, если б не дул весь день, с утра до вечера, легкий ветер. Но дул он, к сожалению, прямо в лицо, а в сухих африканских степях всегда хватает пыли. Да тут еще саранча, непрестанно прыгая, разрыхлила миллионами крохотных ножек верхнюю корку почвы, и пыль теперь свободно поднималась по ветру. Ее клубы окутывали, точно облаком, маленький караван, отчего продвигаться было и трудно и неприятно. Задолго до вечера одежда на людях насквозь пропылилась, в рот набилось песку, разболелись глаза.

Но это было еще пустяком. Задолго до вечера дала себя знать другая беда – отсутствие воды.

Спеша поскорее уйти от зрелища опустошенного крааля, ван Блоом не запасся в дорогу водой – печальное упущение в такой стране, как Южная Африка, где родники столь редки, а ручьи и реки то пересыхают, то меняют русло. Задолго до вечера все думали только о воде, все одинаково томились жаждой.

Томился ею и сам ван Блоом, но о себе он не думал, а если и думал, то лишь казнясь за оплошность. По его вине страдали теперь другие. Мысль о непростительной ошибке тяжело угнетала его. Он не мог пообещать им никакого облегчения, покуда караван не доберется до родника. Ближе, насколько он знал, воды не было.

Достичь родника в тот вечер нечего было и надеяться. В путь тронулись поздно. Волы шли медленно. К закату можно было проделать от силы половину пути.

Чтобы добраться до воды, пришлось бы идти всю ночь, а это было невозможно по многим причинам. Волам потребуется отдых – тем более что они голодны; и тут ван Блоом

понял – слишком поздно – еще одно свое упущение: во время налета саранчи он не позаботился набрать ее побольше на корм скоту.

При налетах саранчи подчас только так и спасают скот; но ван Блоому это не пришло на ум; а поскольку в краали, где заперты были животные, саранчи проникло немного, скот оставался без пищи со вчерашнего дня. Особенно сказывался голод на упряжных волах: они ослабели и тянули фургон словно нехотя, так что Черныш надрывал горло криком и непрестанно пускал в ход свой длинный кнут.

Но были и другие причины, заставлявшие подумать о ночном привале. Ван Блоом не так уж твердо знал дорогу. Ночью он не мог бы держаться избранного им направления, тем более что не было и подобия тропы, которая вела бы караван. К тому же идти после захода солнца представлялось небезопасным, потому что в это время выходит на прогулку ночной разбойник Африки – лютый лев.

Итак, есть ли вода или нет ее, все равно приходилось сделать на ночь привал.

До темноты оставалось всего с полчаса, когда ван Блоом пришел к такому решению. Он только хотел подождать немного в надежде добраться до такого места, где будет хоть трава. Караван отделился уже от покинутой фермы на двадцать миль, а равнину покрывал черный «след» саранчи. Травы по-прежнему нет и в помине, по-прежнему кусты стоят без листьев, без коры.

Ван Блоому уже начинало казаться, что он движется в ту самую сторону, откуда прилетела саранча. Он не сбился с западного направления, в этом он был уверен. Но как знать, быть может, саранча надвинулась с запада, а не с севера? Если так, придется идти много дней, пока набредешь на зеленый лужок.

Эти мысли смущали ван Блоома, и он беспокойным взором обводил равнину, глядя то прямо вдаль, то вправо и влево. И вдруг – радостный возглас зоркого бушмена: он видит впереди траву! Видит несколько кустов с листвой. Туда еще с милю пути, но волю, точно и до них дошел смысл этих слов, пошли бодрее. Прошли еще с милю – и в самом деле появилась трава. Пастбище, однако, оказалось скудным: редкие стебельки, разбросанные по красно-бурой земле, – волю не поживиться. Не наполняя желудка, трава только терзала несчастных животных мукой Тантала⁸. Зато ван Блоом уверился теперь, что полоса опустошения пройдена, и он провел караван еще немного вперед, надеясь встретить пастбище получше. Надежда, однако, не оправдалась. Путь их лежал через дикую, бесплодную степь, почти настолько же лишенную зелени, как и местность, по которой шли они до сих пор. Но теперь она обязана была своей наготой не саранче, а безводью. Не оставалось больше времени на поиски пастбища. Солнце уже ушло за горизонт – пришлось остановиться и распрягать.

Следовало бы соорудить краали – один для коров, другой для коз и овец. Кругом было для этого достаточно кустов, но кто же из утомленного отряда найдет в себе силы нарезать ветви и приволочь их к месту? И без того хватало работы – заколоть на ужин овцу, собрать топлива, чтобы зажарить ее. Краали делать не стали. Лошадей привязали к фургону. Коров и быков, овец и коз оставили на воле. Поскольку не было поблизости пастбища им на соблазн, понадеялись, что, измученные долгой ходьбой, они не уйдут далеко от костра, который было решено поддерживать всю ночь.

⁸ *Тантал* – в древнегреческих преданиях преступный сын Зевса, брошенный богами в подземное царство. Он стоял по горло в воде, но вода убегала, когда он хотел напиться, и он не мог дотянуться до плодов, висевших над его головой.

Глава VIII

Участь стада

Но они ушли.

Когда рассвело и путешественники огляделись вокруг, они не увидели ни единого быка, ни единой коровы, кроме одной молочной. Подоив ее накануне вечером, Тотти оставила свою любимицу на ночь привязанной к кусту, – там она и стояла сейчас. Все остальные ушли, козы и овцы – тоже.

Куда же они ушли?

Мальчики вскочили на коней и отправились на розыски. Коз и овец нашли неподалеку, среди кустов; но остальные животные, как обнаружилось, ушли совсем. Их след тянулся мили на две. Он вел обратно по тому же пути, которым пришел сюда караван; не оставалось сомнения, что они повернули назад, к краалю. Нагнать их, не дав дойти до места, было трудно, пожалуй даже невозможно. Следы показывали, что животные снялись с места в самом начале ночи и двигались быстро, так что к рассвету, должно быть, достигли уже старого жилья.

Печальное открытие! Бесполезным делом было бы пуститься за стадом на голодных, измученных жаждой лошадях, а без упряжных волов как дальше тащить фургон, как добраться с ним до родника? Задача казалась неразрешимой; но после недолгого совещания рассудительный Ганс предложил выход.

– А нельзя ли впрячь в фургон лошадей? – спросил он. – Ведь пять лошадей смогут, конечно, дотащить его до родника.

– Как! Бросить стадо? – сказал Гендрик. – Если мы не отправимся за ним, скот околеет, и тогда...

– За стадом можно будет поехать и позже, – ответил Ганс. – Не лучше ли сперва дотащить до источника, а потом, дав коням отдохнуть, вернуться за волами? Они к тому времени будут уже в краале. Там у них, во всяком случае, вдоволь воды, они не околеют до нашего прихода.

Предложение Ганса показалось вполне осуществимым. Во всяком случае, этот план представлялся лучшим, какой путники могли бы избрать, и они тотчас принялись приводить его в исполнение. Лошадей впрягли в фургон; в нем среди поклажи оказалась, к счастью, кое-какая старая конская сбруя; ее извлекли и как могли приспособили к делу.

Когда управились с этим, Черныш опять сел на козлы, подобрал вожжи, щелкнул кнутом и пустил свою упряжку. К общему удовольствию, большой и тяжело груженный фургон пошел так легко, как если бы его тащила полная воловья упряжка. Ван Блоом, Гендрик и Ганс порадовались от души, когда фургон прокатил мимо них, и, погнав следом за ним дойную корову, коз и овец, бодро двинулись в путь. Маленькие Ян и Трейи ехали, как и прежде, в фургоне; но остальные шли пешком, отчасти для того, чтобы погонять стадо, а отчасти и потому, что жалели лошадей и не хотели увеличивать и без того тяжелый груз.

Всех сильно мучила жажда, но они бы мучились куда сильнее, если бы не добрая тварь, трусившая за фургоном, – дойная корова, «старушка Грааф», как звали ее. И накануне вечером, и утром она дала по несколько пинт молока, и эта своевременная поддержка принесла путникам большое облегчение.

Лошади вели себя прекрасно. Хотя сбруя оказалась неполной и плохо была пригнана, они тянули за собой фургон так же хорошо, как если бы все ремешки и пряжки были налицо. Умные животные как будто понимали, что их добрый хозяин попал в беду, и решили возволить его. А может быть, они уже учуяли перед собой родниковую воду. Так или иначе,

они пробыли в упряжи уже много часов, когда фургон въехал в небольшую живописную долинку, покрытую зеленой, сочной на вид муравой, и несколько минут спустя остановился у холодного, прозрачного ключа.

Все вволю напились и быстро пришли в себя. Лошадей выпрягли и пустили на траву; остальные животные стали резвиться на лугу. Около ключа разложили большой костер, сварили четверть бараньей туши на обед, а потом все сидели и ждали, пока насытятся кони.

Ван Блоом, примостившись на одном из ящиков фургона, курил свою большую трубку. Он был бы и вовсе доволен, если б не исчезновение стада. Найдено отличное пастбище – своего рода оазис среди пустынной равнины, место, где есть и топливо, и вода, и трава – все, чего может пожелать душа фее-бура. Оазис тянулся не так далеко, но все же был достаточно велик, чтобы на нем могло прокормиться стадо в несколько сот голов, достаточно велик для очень приличной скотоводческой фермы. Лучшего и желать не приходилось, и, если бы ван Блоому удалось добраться сюда с упряжными волами и всем скотом, фермер чувствовал бы себя сейчас совсем счастливым. Но без скота – что проку в прекрасных лугах? Что делать здесь трек-буру, если нет у него скота хотя бы на развод? Все богатство ван Блоома заключалось в стаде, вернее сказать – он питал надежду, что со временем стадо его приумножится и принесет его семье богатство. Животные были у него породистые, и, за исключением двенадцати упряжных волов да двух – трех долгорогих бечуанских племенных быков, стадо состояло сплошь из отличных молодых коров, обещавших принести в скором времени большой приплод.

Естественно, что тревога за этих животных не покидала фермера ни на минуту и гнала скорее отправиться на розыски стада. Трубку свою он достал только затем, чтобы убить время, пока кони щиплют траву. Он решил, как только они хоть немного восстановят силы, отобрать трех самых сильных и поскакать с Гендриком и Чернышем назад, к покинутому краалю.

Итак, едва лишь кони несколько передохнули, их изловили и взнуздали. Ван Блоом с Гендриком и Чернышем вскочили в седла и пустились в путь, а Ганса оставили стеречь лагерь. Ехали быстро, решив скакать всю ночь и, по возможности, затемно добраться до крааля. Там, где кончалась трава, они спешили и дали лошадям отдохнуть и подкормиться напоследок. Для себя они прихватили несколько кусков жареной баранины; на этот раз они не позабыли наполнить водой свои тыквенные бутылки – так что теперь им уже не пришлось страдать от жажды. Провели час на привале и снова двинулись в путь.

Уже совсем стемнело, когда путники достигли того места, где ушло от них стадо; но в небе стоял ясный месяц, и можно было следовать по оставленной фургоном колее, достаточно приметной в его свете. Время от времени ван Блоом просил Черныша осмотреть следы и проверить, по-прежнему ли стадо держалось дороги к дому. Бушмен без труда разрешал сомнения: он соскакивал с лошади, пригибался к земле и тотчас давал ответ. И каждый раз ответ был утвердительный. Животные несомненно шли к старым своим краалям. Ван Блоом и не сомневался, что найдет их там – но живыми ли? Вот что его тревожило.

Напиться коровы смогут в источнике, но где возьмут они корм? Там им не найти ни травинки; что, если к утру они все околеют?

Брезжил рассвет, когда показалась перед глазами старая ферма. Странное зрелище являла она. Не узнать было ее ни по единому дереву. После налета саранчи внешний вид фермы сильно изменился, но теперь прибавилось что-то еще, усилившее эту необычность вида: как будто цепь каких-то непонятных предметов насажена была по карнизу крыши и по оградкам краалей.

Что это такое? Ведь не часть же самих строений! Со своим вопросом ван Блоом обратился скорее к самому себе, но произнес его довольно громко, так что расслышали и другие.

– Стервятники, – ответил Черныш.

Да, именно так: стая стервятников унижала стены краалей.

Появление нечистых птиц не сулило добра. У ван Блоома сжалось сердце от дурного предчувствия. Что их сюда привлекло? Значит, поблизости есть падаль? Всадники поскакали быстрее.

Уже совсем рассвело, и стервятники засуетились. Они хлопали своими темными крыльями, снимались со стен и садились маленькими шумными стайками вокруг дома.

– Там падаль, не иначе, – пробормотал ван Блоом.

Там и была падаль – много падали. Когда всадники подъехали ближе, птицы поднялись в воздух, и теперь можно было разглядеть на земле десятка два полуобглоданных скелетов. Длинные гнутые рога, видневшиеся подле каждого скелета, позволяли с легкостью определить, какого рода животному принадлежал он. В этих костях и растерзанных клочьях шкур ван Блоом узнал останки своего потерянного стада. Не осталось в живых ни одного животного. Останки каждого из них – всех его коров, всех волов и быков – можно было видеть у ограды краалей и на прилежащем поле. Где околели, там и валялся скелет.

Но почему они околели? Это оставалось непонятным. Не могли же они погибнуть от голода так быстро и все сразу! И не могли они подохнуть от жажды, потому что и сейчас тут же, рядом, громко журчал ручей. Не стервятники же их убили! Так кто же?

Ван Блоом не задавал лишних вопросов. И недолго оставался он в недоумении. Когда он и его спутники подъехали к месту, загадка разрешилась. Следы львов, гиен и шакалов достаточно всё объяснили. Тут побывали большие стаи этих зверей. После налета саранчи округа оскудела дичью, а из-за этого хищники стали более жадными, чем обычно, и жертвой их жадности сделался скот.

Где сейчас хищники? Утренний свет и вид строений, возможно, отогнали их прочь. Но следы совсем свежие. Они тут неподалеку и к вечеру непременно вернуться. Ван Блоома разбирало желание отомстить проклятому зверью, и при других обстоятельствах он остался бы здесь и дал бы по ним несколько выстрелов. Но сейчас это было бы и неразумно и бесполезно. Нужно было, если достанет силы у коней, вернуться к ночи в лагерь. Итак, даже не зайдя в свой старый дом, они напоили коней, набрали в бутылки ключевую воду и снова с тяжелым сердцем покинули крааль.

Глава IX

Лев на отдыхе

Не проехали они и ста шагов, как перед ними возникло нечто, при виде чего они все внезапно и одновременно натянули поводья. То был лев. Он лежал среди равнины прямо на тропе, куда они собирались свернуть, – на той самой тропе, по которой они прискакали. Как случилось, что они его не заметили раньше? Он лежал под сенью невысокого куста; но, по милости саранчи, куст был без листьев, и его голые тонкие ветви не могли укрыть такого большого зверя. Светлая шкура льва приметно желтела сейчас сквозь них.

Дело в том, что льва там еще не было, когда всадники, спеша к краалю, проскакали мимо этого куста. Только увидев их, хищник отпрянул от места бойни и, прижимаясь к ограде, забежал им в тыл. К такому маневру он прибег, желая избежать встречи, потому что и лев обладает способностью рассуждать, хоть и не такой, как человек. Увидев, откуда появились всадники, он в меру своей сообразительности рассудил, что они едва ли вернутся той же тропой. Скорее всего, они продолжат свой путь. Человек, незнакомый со всеми предшествующими событиями, связанными с их поездкой, пожалуй, рассудил бы точно так же. Вам случалось, верно, наблюдать, что и другие животные – собаки, олени, зайцы – и птицы поступают большей частью так же, как поступил в этом случае лев. Несомненно, в мозгу льва прошел описанный здесь умственный процесс; и зверь, чтобы уклониться от встречи с тремя всадниками, прокрался им в тыл.

Так мирно лев ведет себя почти всегда, в пяти случаях из шести, если не чаще. Потому и укоренилось у нас ошибочное мнение относительно храбрости этого хищника. Некоторые естествоиспытатели, побуждаемые к тому, как видно, чувством злобы или зависти, обвиняют льва прямо-таки в трусости, отказывая ему решительно во всех благородных свойствах, какие приписывались ему с незапамятных времен. Другие, наоборот, утверждают, что лев не знает страха ни пред зверем, ни пред человеком, и, помимо отваги, наделяют его еще и многими другими добродетелями. Обе стороны подкрепляют свои взгляды не только голословными заверениями, но и множеством ссылок на твердо установленные факты.

В чем тут дело? Ведь не могут же быть правы и те и другие? Но, как это ни странно, правы в известном смысле обе стороны. Дело в том, что одни львы трусливы, другие храбры.

В доказательство этого можно написать целые страницы, но скромные размеры нашей книги не дают нам для этого места. Я, однако, думаю, юный мой читатель, что тебя удовлетворит некая аналогия. Ответь: известен ли тебе какой-либо вид животных, в котором все особи совершенно одинаковы по своему нраву? Вспомни, например, знакомых тебе собак. Разве все они так уж похожи друг на друга? Не правда ли, есть среди них благородные, великодушные, смелые, преданные, готовые отдать, если надо, жизнь. А есть и совсем иные – подлые, лживые, трусливые собачонки. Так и у львов. Теперь тебе ясно, что мое утверждение о львах может отвечать истине.

Храбрость и свирепость льва зависят от многого: от его возраста, от состояния его желудка, от времени года и часа дня; в первую очередь от того, какого рода охотников встречает он в своих краях. Влияние последнего обстоятельства покажется вполне естественным тому, кто верит в разум животных, как верю, конечно, я. Вполне естественно, что лев, подобно другим животным, вскоре изучит характер своего врага и станет бояться его или нет – как покажет дело. А разве не так оно и у людей? Старая история! Если память мне не изменяет, у нас был уже разговор на эту тему, когда зашла речь об американских крокодилах. Мы тогда отметили, что на Миссисипи аллигатор в наши времена редко нападает на человека; но раньше было не так: ружье охотника, которому нужна кожа аллигатора,

укротило свирепость речного хищника. В Южной Америке крокодил того же вида пожирает ежегодно десятки индейцев, а африканский крокодил в иных местах внушает населению больший ужас, чем лев.

Наблюдатели рассказывают, что на Капской земле львы в одних местностях менее смелы, чем в других. Значительно трусливей они как раз там, где ведет на них охоту храбрый и стойкий бур со своим длинноствольным громобоем.

За пределами Капской колонии, где нет у него другого врага, кроме тоненькой стрелы бушмена (которая и не покушается его убить!) да бечуанского легкого дротика, лев несколько не боится человека – или почти не боится.

Был ли тот лев, что предстал пред глазами наших путников, по природе смел, я вам не скажу. Его отличала громадная черная грива – у буров такие львы зовутся черногривками и считаются самыми свирепыми и опасными. Желтогривка (в Капе водится довольно много различных по масти львов) слывет менее храбрым; однако в правильности этого взгляда можно усомниться. Дело в том, что темно-бурую окраску гривы лев приобретает лишь с годами, и часто молодого черногривку принимают по ошибке за светлогривого льва, а потом приписывают его характер всей светлогривой породе.

Ван Блоом не стал раздумывать, какой перед ним черногривка – свирепый и храбрый или не очень. Было ясно, что лев успел «заморить червячка», что он совсем не помышляет напасть на человека и что, если всадники предпочтут сделать небольшой крюк и мирно проехать мимо, они спокойно довершат свою поездку и больше в глаза не увидят этого льва и никогда о нем не услышат.

Но у ван Блоома были иные намерения. Он лишился своих драгоценных быков и коров. Этот самый лев растерзал если не всех, то часть из них. Голландская кровь колониста вскипела. Будь это самый сильный и свирепый хищник в своем львином племени, не дадут они ему мирно спать под кустом! Приказав спутникам стоять на месте, ван Блоом, не сходя с седла, двинулся вперед и остановил коня примерно в пятидесяти шагах от места, где лежал лев. Тут он спешился, намотал поводья на руку, воткнул в землю шомпол своего ружья и стал позади него на одно колено.

Вы подумаете, что стрелку, пожалуй, безопасней было бы остаться в седле, потому что коня лев догнать не может. Верно, но это было бы безопасней и для льва. Нелегкое дело – метко выстрелить, сидя в седле; а когда мишенью служит грозный лев, только отлично натренированный конь будет стоять достаточно смирно и позволит взять правильный прицел. Так что при стрельбе с седла удача зависит от игры случая, а ван Блоом не собирался удовольствоваться случайным успехом. Установив ружье на шомпол и дав таким образом твердую опору длинному дулу, он стал тщательно его наводить, глядя в прицельную рамку слоновой кости. Все это время лев не шевелился. Между ним и стрелком был куст, но едва ли зверь считал его надежным прикрытием. Желтые бока льва отчетливо различимы сквозь тернистые ветви, видна его голова, его усы и морда, измазанная бычьей кровью.

Нет, лев не считал себя в безопасности. Легкое ворчание и два – три взмаха хвостом доказывали противное. И все же он лежал тихо, как лежат обычно львы, покуда к ним не подойдут поближе. Охотник же, как я сказал, стоял в добрых пятидесяти ярдах от него.

Лев не двигался и только слегка помахивал хвостом, пока ван Блоом не спустил курок; и тут он, взревев, подпрыгнул на несколько футов от земли. Охотник опасался, что ветви отклонят его пулю и она лишь скользнет по шкуре; но выстрел явно попал в цель: стрелок видел, как клочок шерсти вылетел из львиного бока в том месте, где ударила пуля. Лев был только ранен, и, как вскоре выяснилось, не смертельно. Бия хвостом, оскалив грозные зубы, разъяренный лев длинными прыжками надвигался на противника. Грива, развеваясь, словно увеличила вдвое размеры зверя. Он казался сейчас огромным, как буйвол.

За несколько секунд он покрыл расстояние, только что отделявшее его от охотника, но тот был уже далеко.

Нажав спуск, ван Блоом в тот же миг вскочил на коня и поскакал к остальным.

Недолгое время они стояли все трое рядом; Гендрик – держа на взводе карабин, Черныш – с луком и стрелами в руках. Но зверь кинулся вперед, прежде чем тот или другой успел выстрелить; пришлось пустить вскачь коней и отступить с его пути. Черныш мчался в одну сторону, ван Блоом с Гендриком – в другую; зверь оказался теперь меж двух огней и притом в изрядном отдалении от противников.

Когда первый наскок не удался, лев остановился и поглядел сперва на один вражеский отряд, потом на другой, словно не решаясь, за каким погнаться. Вид его в эту минуту был невыразимо страшен. Вся его свирепая природа возмутилась. Грива стояла дыбом, хвост хлестал по бокам, пасть была широко раскрыта, обнажая крепко посаженные клыки, – их белые острия резко контрастировали с багровой кровью, закрасившей скулы и пасть. Яростный рев должен был усилить ужас, который зверь внушал всем своим грозным видом.

Но из трех противников ни один не поддавался страху, как ни приглашали к тому зрение и слух. Гендрик навел на льва карабин, хладнокровно прицелился и выстрелил; и в тот же миг со свистом прорезала воздух посланная Чернышем стрела. Оба взяли верный прицел: и пуля и стрела попали в зверя; стрела вонзилась ему в ляжку, и было видно, как покачивается ее древко. Лютого зверя, до сих пор проявлявшего, казалось, самую решительную отвагу, теперь как будто охватил внезапный страх. Стрела ли была в том повинна или одна из пуль, но ему вдруг надоела борьба: опустив задранный, похожий на метлу хвост до уровня спины, он ринулся прочь и, сердито побежав вперед, проскочил прямо в дверь крааля.

Глава X

Лев в западне

Странно было, конечно, что лев ищет убежища в столь необычном месте, но это показывало его сообразительность. Не было сколько-нибудь близко другого укрытия: теперь, после налета саранчи, не так-то просто стало найти такие кусты, где можно было бы спрятаться. Попытайся же он спастись бегством, охотники верхом на конях его легко догнали бы. Лев видел, что дом необитаем. Он рыскал вокруг него всю ночь, а может быть, наведаясь и в комнаты – значит, знал, что представляет собой это место. Инстинкт не обманывал зверя. Стены дома могли защитить его от неприятельского оружия, разившего издалека; а вздумай враги приблизиться, это было бы выгодно для льва и опасно для них.

Когда лев вбежал в крааль, произошло нечто удивительное. В одном конце дома имелось большое окно. Стекол в нем, конечно, не было, да никогда и не бывало. В тех краях застекленные окна редкость. Закрывалось оно только крепким деревянным ставнем. Ставень еще висел на своих петлях, но в суматохе отъезда его не заперли. Дверь тоже стояла распахнутая настежь. И вот, когда лев вскочил в нее, из окошка так и посыпались маленькие зверюшки, похожие не то на лисиц, не то на волков, и во всю прыть пустились наутек по равнине. Это были шакалы.

Как выяснилось позже, львы или, может быть, гиены загнали одного вола в дом и здесь загрызли. Более крупные хищники проглядели его тушу, а хитрые шакалы подобрались к ней и преспокойно завтракали, пока им не помешали так бесцеремонно.

Когда в дверях появился грозный царь зверей, да к тому же разгневанный, шакалы кинулись спасаться в окно; а вид подъезжавших к дому всадников еще больше напугал этих трусливых животных.

Они бросились со всех ног прочь от крааля и вскоре исчезли из виду.

Трое охотников не удержались от смеха; но их веселье сразу погасло перед новым происшествием, случившимся почти в тот же миг. Ван Блоом захватил с собою двух собак, чтобы те помогли пригнать обратно скот. Пока люди отдыхали у ручья, собаки навалились на полуобъеденные туши, валявшиеся под оградой; и так как им пришлось изрядно наголодаться, они не оторвались от еды даже тогда, когда всадники отъехали от крааля. Ни одна из них не видела льва до той минуты, когда раненый зверь ринулся прочь от охотников и понесся прямо к краалю. Выстрелы, львиное рычание и шумное хлопанье крыльев, поднявшееся, когда вспугнутые стервятники улетали, – все это сказало собакам, что впереди происходит нечто требующее их присутствия, и, оставив свою приятную трапезу, они перемахнули через ограду.

Во дворе они очутились как раз в тот миг, когда лев был в дверях. Храбрые и благородные животные без колебания кинулись за ним следом и вбежали в дом. Некоторое время смутно доносился хор разных звуков – лай и тявканье собак, рев и рычание льва. Потом послышался глухой шум, как будто ударили о стену чем-то тяжелым, отчаянный визг, потом звук, похожий на хруст костей... Громкий, грубый бас довольно «мурлыкавшего» огромного зверя – и затем глубокая тишина. Борьба закончена. Это ясно – собаки не подают больше голоса. Они, скорее всего, погибли. Охотники в крайней тревоге глядели на дверь. Смех замер у них на губах, когда они стояли, прислушиваясь ко всем этим мерзким звукам – признакам страшной схватки. Они окликали по именам своих собак. Они еще надеялись, что те выбегут, хотя бы раненые. Но нет, собаки не показываются... Они мертвы!

Долго длилось молчание после шума борьбы. Ван Блоом уже не сомневался, что его любимицы, его единственная пара собак, убиты. Взмолнованный этим новым несчастьем,

он едва не утратил всякое благоразумие. Он был готов броситься к порогу, откуда мог бы стрелять в ненавистного врага почти вплотную, когда Чернышу пришла на ум блестящая мысль. Громкий возглас бушмена остановил стрелка:

– Баас! Баас! Мы его поймает! Мы запрем негодника!

Предложение было разумным и легко осуществимым. Ван Блоом сразу его оценил и, отказавшись от прежнего своего намерения, решил принять план Черныша. Но как его исполнить? Дверь и ставни еще висели на петлях. Если бы удалось подобраться к ним и накрепко закрыть, лев оказался бы во власти охотников и можно было бы спокойно прикончить его. Только как, не подвергая себя опасности, запереть дверь или окно? Вот в чем трудность...

Едва люди приблизятся к окну или двери, лев сразу их увидит и, так как он сейчас разъярен, непременно кинется на них. Может быть, подъехать на лошадях? Но и это опасно. Лошади не будут стоять смирно, пока всадники станут тянуться в седле, чтобы ухватиться за ручку или за щеколду. Все три скакуна и так уже в нетерпении перебирали ногами. Они знали, что в доме лев – время от времени зверь выдавал свое присутствие рычанием, – и вряд ли смогут они достаточно спокойно приблизиться к двери или к окну; ржание и стук копыт побудят разъяренного зверя выбежать и броситься на всадников.

Итак, было ясно, что запереть окно или дверь – задача очень опасная. Покуда охотники держались на открытом месте и в некотором отдалении, им нечего было бояться льва, но если они приблизятся к нему и окажутся в стенах краала, то не исключено, что кто-либо из них троих станет жертвой лютого зверя.

Большая, нескладная голова, которую носил на плечах Черныш, заключала в себе немалое количество мозга, а жизнь в постоянной заботе о том, чтобы как-нибудь утолить голод, научила его постоянно упражнять свой мозг. В эту трудную минуту изобретательность Черныша пришла на помощь охотникам.

– Баас, – сказал он, спеша унять нетерпение своего хозяина, – погодите-ка, баас! Дайте старому бушмену закрыть дверь. Он сделает.

– А как? – спросил ван Блоом.

– Подождите немного – увидите.

Они подъехали все трое к краалу меньше чем на сто ярдов. Ван Блоом и Гендрик сидели молча в седле и смотрели, что станет делать бушмен.

А тот вынул из кармана клубок бечевки и, аккуратно ее размотав, привязал один конец к стреле. Потом он подъехал ближе к дому и в тридцати ярдах от него сошел с коня – не прямо против входа, а немного наискосок, так, чтобы деревянная дверь, раскрытая, к счастью, лишь на три четверти, была обращена к нему наружной стороной. Закинув поводья через руку, бушмен натянул тетиву и пустил стрелу в дощатую дверь. И вот стрела глубоко вонзилась в край двери, как раз под щеколдой. Выстрелив, Черныш в тот же миг вскочил в седло, готовый к отступлению в случае, если лев выбежит. Черныш, однако, не выпускал из руки бечевку, привязанную одним концом к стреле. Гулкий удар стрелы в дверь привлек внимание льва. Об этом сказало охотникам его сердитое ворчание. Лев, впрочем, не показался и снова притих. Черныш натянул бечеву. Сперва для проверки он легонько подергал ее, а затем, убедившись, что стрела сидит крепко, дернул со всей силы и захлопнул дверь. Щеколда сработала, и дверь осталась запертой даже и после того, как Черныш ослабил веревку.

Теперь, чтобы открыть дверь, льву надо было либо догадаться приподнять щеколду, либо же проломить толстые, крепкие доски. Ни того, ни другого опасаться не приходилось.

Но окно еще оставалось открытым, и зверь легко мог выскочить в него.

Черныш, понятно, намеревался закрыть ставень тем же способом, что и дверь. И тут возникла новая большая опасность. У Черныша имелась только одна веревка – та, что была сейчас привязана к стреле. Как освободить ее и снова ею завладеть?

Не оставалось как будто ничего другого, как подойти к двери и отвязать веревку от древка стрелы. Но здесь-то и таилась опасность: ведь если бы лев заметил человека и выскочил в окно, бушмену пришел бы конец.

Подобно большинству охотников-бушменов, Черныш был не так смел, как хитер, хотя его отнюдь нельзя было назвать трусом. В ту минуту, однако, ему совсем не хотелось подходить к двери крааля. Гневное рычание, доносившееся оттуда, обдало бы холодом и самое отважное сердце.

Разрешил задачу Гендрик. Он придумал, как, не приближаясь к двери, вновь овладеть веревкой. Крикнув Чернышу, чтобы тот был начеку, Гендрик тоже подъехал поближе к краалю и остановился в тридцати ярдах от входа, около столба с несколькими рогулями, служившими для привязывания лошадей. Гендрик сошел с коня, зацепил поводья за одну из этих рогуль, положил карабин на другую и затем, нацелившись в древко стрелы, спустил курок. Щелкнул выстрел, перебитое древко отвалилось от двери, веревка свободна! Охотники хотели отъехать подальше, но лев, хоть и свирепо зарычал при звуке выстрела, все же, по-видимому, не тронулся с места. Черныш притянул назад веревку, прикрепил ее к новой стреле и, объехав крааль, остановился наискосок против окна. Через несколько минут стрела просвистела в воздухе и глубоко вошла в податливое дерево. Затем ставень повернулся на петлях и плотно закрылся.

Охотники спешили и, очень быстро, но в полном молчании подбежав к дому, укрепили затворы на ставне и на двери ремнями – обрезками старых поводьев из сыромятной кожи.

Ура! Лев в западне!

Глава XI

Смерть льва

Да, разъяренный зверь был пойман в западню. Трое охотников вздохнули свободно.

Но как довести дело до конца? И дверь и ставень в окне закрыты наглухо, пригнаны плотно; в оставшиеся щелки все равно ничего не разглядишь. Раз двери и ставни закрыты, в доме полный мрак.

Да если бы они и могли увидеть льва, что толку? Ни в одно отверстие все равно не просунешь ствол. Зверь был в такой же безопасности, как и поймавшие его охотники. Покуда дверь заперта, они могли причинить ему не больше вреда, чем он им.

Можно было предоставить запертому зверю околеть с голоду. Какое-то время он продержался бы остатками шакальега завтрака да тушами двух собак, а там пришлось бы ему смириться и погибнуть жалкой смертью. Однако ни ван Блоому, ни его спутникам подобный исход не казался неизбежным. Поняв, что дела его плохи, лев мог навалиться на дверь и, пустив в ход острые когти и зубы, проломить ее.

Разгневанный ван Блоом не желал оставлять своему пленнику такую возможность. Он решил, что не уйдет отсюда, покуда не уничтожит зверя. И вот он стал раздумывать, как бы это сделать самым быстрым и верным путем.

Он надумал было просверлить ножом дыру в двери, достаточно широкую, чтобы можно было и глядеть в нее и просунуть ствол ружья. Если сквозь дыру плохо будет видно зверя, тогда можно проделать вторую в ставне. Два отверстия с противоположных сторон осветят всю внутренность дома, ибо жилище ван Блоома состояло всего из одной комнаты. Пока он там жил, комнат получалось две благодаря перегородке из зебровых шкур, но ее убрали при отъезде.

Два отверстия – одно в двери, другое в ставне – позволят выпустить в зверя сколько угодно пуль, покуда охотники не уверятся, что ему на них не напасть. Но покуда просверлишь их, уйдет немало времени. Это останавливало ван Блоома. Ему и его спутникам нужно было торопиться: кони притомились и были голодны, а прежде чем явится возможность накормить их, предстояло проделать еще долгий путь.

Нет, нельзя сверлить отверстия, нужен способ более быстрый.

– Отец, – сказал Гендрик, – а что, если поджечь дом?

Отлично. Добрый совет.

Ван Блоом бросил взгляд на крышу – покатую, с длинным карнизом. Она состояла из сухих тяжелых деревянных балок, стропил, перекладин, и все это было покрыто толстым – в добрый фут толщиной – слоем сухого тростника. Она бы вспыхнула огромным костром, и лев, наверно, задохся бы от дыма раньше, чем дошел бы до него огонь.

Предложение Гендрика было одобрено. Принялись готовить все для поджога. Вокруг дома еще оставалось много валежника, обглоданного, но не сожранного саранчой. Это позволяло с легкостью осуществить задуманное, и они стали подтаскивать этот валежник и заваливать им дверь.

Можно было подумать, что лев разгадал их намерение: перед тем он долгое время не подавал голоса, а тут снова начал грозно рычать. Возможно, зверя встревожил шорох сучьев, стукавшихся снаружи о дверь; и, поняв, что пойман и заперт, он стал проявлять нетерпение. То, что он считал укрытием, обернулось западней, и теперь он рвался высвободиться из нее. Это явствовало из всего его поведения. Было слышно, как он мечется по дому – от двери к окну, от окна к двери – и бьет то в дверь, то в ставень своими огромными лапами, чуть не срывая их с петель и все время испуская дьявольский рев.

Хоть и не без тайных опасений, трое охотников продолжали свою работу. Кони были у них под рукой, готовые принять в седло всадников, если лев проложит себе дорогу сквозь огонь. Так охотники и рассчитывали: поджечь – и на коней, чтобы сразу, как только костер как следует разгорится, отъехать и наблюдать за пожаром с безопасного расстояния.

Они перетаскали и нагромоздили у двери все ветви и доски, какие только нашлись. Черныш вынул свой кремь с огнивом и хотел было высечь огонь, когда до слуха охотников донеслось из дома шумное царапанье, не похожее ни на что слышавшееся им до сих пор. Казалось, лев скребет когтями о стену, но к этому примешивались еще какие-то странные звуки, словно зверь отчаянно боролся; его рычание стало хриплым, приглушенным и слышалось словно издалека.

Что делал зверь?

Охотники приостановились на миг, поглядели тревожно друг другу в лицо. Царапанье продолжалось, время от времени доносился хриплый рев, и вот он смолк наконец, потом раздалось фыркание, а за ним рычание, такое громкое и полнозвучное, что все трое содрогнулись от ужаса. Не верилось, что все еще стоит стена между ними и грозным врагом.

Снова прозвучал этот омерзительный рев. Силы небесные! Он доносится уже не из-за двери – он раздается над их головами! Неужто лев выскочил на крышу? Все трое враз отпрянули на несколько шагов и подняли головы. Им представилось такое зрелище, что они замерли в изумлении и ужасе.

Из дымовой трубы высунулась голова льва. Плавающие желтые глаза и белые зубы казались еще страшнее в контрасте с черной от сажи мордой. Зверь силился вылезть в трубу. Одна лапа уже лежала на каменной кладке; ею и зубами он расширял вокруг себя отверстие. Зубы и когти его работали вовсю, из-под них летели во все стороны известь и камень. Скоро освободится от каменных тисков его широкая грудь, и тогда...

Ван Блоом не стал раздумывать о том, что будет тогда. Он и Гендрик с ружьями наперевес, подбежали ближе к стене. Труба высилась в каких-нибудь двадцати футах от земли; длинный ствол ружья поднялся прямо вверх, чуть ли не на половину этого расстояния. Так же был наведен и карабин. Два выстрела ударили одновременно. Глаза льва вдруг закрылись, голова судорожно качнулась вбок, лапа свесилась над трубой, челюсти разомкнулись, открыв зев, и по языку заструилась кровь. Через несколько секунд зверь был мертв.

Это видно было всем. Но Черныш не успокоился, пока не выпустил в голову зверя штук двадцать стрел, которые придали его мертвому врагу сходство с дикобразом. Огромный зверь так плотно застрял в дымоходе, что и смерть оставила его все в том же необычном положении.

При других обстоятельствах охотники не преминули бы стащить льва вниз ради его шкуры. Но свежевать тушу было некогда. Не тратя больше времени, ван Блоом и его спутники сели на коней и поскакали прочь.

Глава XII

Беседа о львах

На обратном пути, чтобы скоротать время, охотники повели разговор о львах. Каждый из них кое-что знал об этих хищниках; но Черныш, родившийся и выросший в африканской лесостепи, среди львиных логовищ, был, конечно, хорошо знаком с повадками льва – куда лучше, чем сам господин Бюффон⁹. Излишне было бы описывать, как выглядит лев. Всем образованным людям, конечно, знаком его облик – каждый либо видел живого льва в зверинце, либо его чучело в музее. Каждый знает, как сложен этот зверь, помнит его большую косматую гриву. Каждый знает вдобавок, что львица лишена этого украшения и значительно отличается от самца как ростом, так и всем своим внешним видом.

Хотя все львы относятся к одному и тому же виду, но существует несколько разновидностей его, очень мало, впрочем, друг от друга отличных – куда менее, чем разновидности большинства других животных.

Таких признанных разновидностей насчитывается семь: варварийский лев, сенегальский, индийский, персидский, желтый капский, черный капский лев и лев безгривый.

Различие между всеми этими животными не так уж велико – каждый с первого же взгляда отнес бы их всех к одному роду и виду. Персидская разновидность несколько мельче других; варварийская отличается темно-бурой окраской и самой тяжелой гривой; сенегальский лев посветлей, пожелтей, и грива у него жидкая; а безгривый лев совсем лишен этого убора. Впрочем, существование седьмой разновидности некоторые естествоведы берут под сомнение. Если верить другим, безгривый лев водится в Сирии. Два капских льва различаются главным образом по цвету гривы: у одного она черная или темно-бурая, у другого – желто-рыжая, в одну масть со шкурой.

Из всех львов оба южноафриканских, пожалуй, самые крупные, а черная разновидность свирепей и опасней желтой.

Лев распространен по всему Африканскому матерiku и в южных странах Азии. В глубокой древности он водился местами и в Европе, но теперь его там уже не встретишь. В Америке львов нет. Животное, которое в Латинской Америке известно под именем льва, не лев, а кугуар, или пума; оно вдвое меньше его и схоже с царем зверей только той же бурой окраской. Пума несколько напоминает, пожалуй, полугодовалого львенка. Африку по преимуществу можно назвать страной льва. Он встречается по всему матерiku, за исключением, понятно, нескольких густонаселенных местностей, откуда его изгнал человек.

Льва издавна прозвали царем лесов, и прозвали неправильно. Он, по существу, не лесной зверь. Он не умеет лазить по деревьям, так что в лесу ему труднее добыть себе пищу, чем на открытой равнине. Пантера, или леопард, или ягуар – те отлично лазают по деревьям. Они могут выхватить птицу из гнезда и настигнуть обезьяну на ветке. В лесу они у себя дома. Это лесные звери. Другое дело – лев. Широкая равнина, где бродят крупные жвачные животные, да заросли низкого кустарника, где можно притаиться, – вот где любит селиться лев.

Питается он мясом самых разных животных, хотя иным отдает особое предпочтение – смотря по местности. Животных себе на еду он убивает сам. Рассказы, будто его «поставщиками» являются шакалы, которые якобы убивают зверей для льва, – чистейшее измышление.

⁹ Бюффон Жорж Луи Леклерк де (1707–1788) – знаменитый французский ученый и писатель, автор тридцатишеститомного труда о жизни животных, изложенного в яркой и остроумной форме.

Напротив, часто сам лев снабжает пищей ленивцев-шакалов. Вот почему их так часто можно видеть в его обществе – они держатся поближе к льву в расчете на «крохи с барского стола».

Лев сам для себя «бьет скот», хотя и предпочитает, чтобы это сделали за него другие. Он охотно отбирает добычу у волка, шакала, гиены, а когда может, и у человека. Лев – неважный бегун, как и другие истинные представители семейства кошек. Жвачные животные почти все обгоняют его в беге. Как же тогда он может их настичь? Благодаря уловке, благодаря внезапности нападения и еще благодаря огромной длине и скорости своего прыжка. Лев залегает и ждет жертву или же подкрадывается к ней. Он набрасывается из-за прикрытия. Особенности строения тела позволяют льву покрывать прыжком очень большое, почти невероятное расстояние. Некоторые авторы говорят о прыжках на шестнадцать шагов, утверждая, будто видели воочию такой прыжок и сами тщательно измерили его длину.

Когда не удастся настигнуть жертву первым же прыжком, лев ее не преследует, а поворачивает и бежит рысцой в обратную сторону. Впрочем, иногда намеченная жертва соблазняет льва и на второй прыжок, а то и на третий; но, если и тот не принесет удачи, лев уже непременно оставит преследование.

Лев не стадное животное, хотя нередко можно встретить группу в десять, а то и в двенадцать голов: львы временами охотятся сообща и гонят дичь друг на друга. Львы набрасываются на зверей всех видов, какие водятся поблизости и пожирают их; даже сильного и тяжелого носорога они не страшатся, хоть тот частенько отбрасывает их и побеждает. Нередко молодые слоны становятся их добычей. Свирепый ли буйвол, жираф ли, сернобык, огромная канна и эксцентричный гну – над всеми лев одерживает верх благодаря своей превосходной силе и мощному вооружению. Однако не всегда лев выходит победителем из борьбы. Иногда тот или другой зверь побеждает его, и лев сам становится его жертвой. А случается и так, что оба противника остаются мертвыми на поле битвы.

Профессионал-зверобой не охотится на льва. Невелика корысть: за львиную шкуру много не возьмешь, а других сколько-нибудь ценных трофеев убитый зверь не сулит. Поскольку охота на него сопряжена с большой опасностью и поскольку охотник, как уже известно читателю, может, когда захочет, избежать столкновения, то львов совсем почти не убивали бы, если бы сами они не чинили обид человеку – не уносили бы у фее-бура его лошадей и скот. Тут на сцену выступает новая страсть – жажда мести. Охваченный ею, фермер нашел особый смысл в охоте на льва и стал с большим усердием и рвением преследовать его.

Но где нет скотоводческих ферм, там нет и этой побудительной причины. И там охота на льва никого особенно не прельщает. Примечательно, что бушмены и другие бедные кочевые племена совсем не убивают льва или же убивают крайне редко. Они в нем не видят врага. Лев для них поставщик!

Гендрику доводилось об этом слышать, и он спросил у Черныша, правда ли это. Бушмен без обиняков подтвердил. Бушмены, сказал он, обычно высматривают льва или идут по его следам, пока не набредут на него самого или на тушу убитой им жертвы. Иногда им указывают к ней дорогу стервятники. Если лев окажется на месте или если он еще не окончил обеда, люди ждут, чтобы он удалился, а потом подбираются к остаткам его добычи и присваивают их. Часто им таким образом перепадает половина, а то и три четверти туши какого-нибудь крупного животного, которого им не так-то просто убить самим. Зная, что львы редко нападают на человека, бушмены не очень боятся этих хищников. Наоборот, они скорее радуются, когда видят, что в округе много львов. Ведь это означает для них соседство с охотником, который будет поставлять им еду!

Глава XIII

Путников застигла ночь

Наши путники еще долго вели бы разговор о львах, если бы их не тревожило состояние лошадей. С тех пор, когда появилась саранча, несчастные животные только два – три часа пощипали траву, а потом все время оставались без пищи. Зеленая трава – неважный корм для верхового коня, и, конечно, лошади под нашими охотниками уже сильно страдали от голода.

Как ни гони коней, не добраться было всадникам до своей стоянки раньше, чем глубокой ночью. Уже совсем смерклось, когда они прибыли к месту, где сделали привал накануне вечером. Темнота была полная. Ни луны, ни звезд – тяжелые черные тучи заволокли все небо. Вот-вот, казалось, нагрянет буря с ливнем – но дождь никак не хотел пролиться.

Путники думали сделать здесь привал и дать коням немного попасись. В расчете на это все трое спешили; но сколько ни искали, нигде не могли найти травы. Странно! Ведь накануне они ясно видели траву на этом самом месте. Куда она исчезла? Лошади тыкались носом в землю, но снова поднимали голову, сердито фыркая в явном разочаровании. Они так изголодались, что, конечно, стали бы щипать траву, если бы она там была: в пути они жадно обрывали даже листья с кустов.

Не побывала ли и здесь саранча? Но нет – кусты мимозы еще сохраняли на ветвях нежную листву; они стояли бы голые, навести саранча этот край.

Путники застыли от удивления. Где же трава? Ведь она тут была – определенно была накануне! Уж не сбились ли они с пути?

Темнота мешала видеть землю, но все же не мог ван Блоом заблудиться – этот путь он совершал в четвертый раз. Пусть не видно было под ногами дороги, но время от времени глаз распознавал какой-нибудь куст или дерево, которые фермер приметил, когда проезжал здесь раньше, и это давало ему уверенность, что они едут правильно.

Озадаченные отсутствием травы там, где они так недавно видели ее, путники не стали все же разглядывать поверхность земли; они хотели добраться поскорее до родника и потому отказались от привала. Вода в тыквенных бутылках давно иссякла; уже опять давала себя чувствовать жажда. К тому же ван Блоом не был вполне спокоен за детей, оставленных при фургоне. Полтора суток прошло, как он расстался с ними, – мало ли что могло произойти за этот срок, мало ли грозило опасностей? Он и то уж поругивал себя, что уехал от детей. Лучше было бросить скот на гибель. Так думалось ему теперь.

Все сильней одолевала мысль, что там у них не все благополучно; и эта мысль настойчиво гнала ван Блоома вперед и вперед.

Ехали молча. И только когда Гендрик высказывал сомнение насчет дороги, снова завязывался разговор. Черныш тоже полагал, что хозяин сбился со следа.

Сперва ван Блоом уверял их обоих, что это не так, но, проехав немного дальше, признался, что и у него возникли сомнения, а затем, сделав еще с полмили, объявил, что потерял дорогу: он больше не узнает картину местности, не может отыскать взглядом ни одной замеченной черты.

В таких обстоятельствах вернее всего опустить поводья и дать свободу лошадям; все трое хорошо это знали. Но лошади были измучены голодом и, предоставленные самим себе, не пожелали идти вперед, а подались к зарослям мимозы и стали жадно ощипывать листья с ветвей. Чтобы заставить их бежать, всадникам все время приходилось пускать в ход и кнут и шпоры, а это отнимало уверенность, что кони находят правильную дорогу. Так они ехали час, и другой, и третий в тягостном беспокойстве, но, сколько ни вглядыва-

лись, не видно было ни фургона, ни костра. И путники решили все-таки сделать привал. Ехать дальше казалось теперь бессмысленным. Они знали, что находятся, вероятно, неподалеку от лагеря, но, продолжая путь, одинаково могли и приблизиться к нему и удалиться.

И они пришли наконец к заключению, что самое разумное – до рассвета не двигаться с места.

Поэтому они спешили и привязали коней в кустах – пусть жуют листья до зари, которой уже недолго оставалось ждать. Завернулись в свои кароссы и улеглись на земле. Гендрик и Черныш сразу заснули. Ван Блоома тоже клонило ко сну, он достаточно был утомлен, но тревога за детей, переполнявшая сердце отца, не давала ему сомкнуть глаз, и он лежал без сна до утра. Оно наконец наступило, и с первым же проблеском света трек-бур оглядел окружающую местность. Путники, к счастью, заночевали на вершине небольшого холма, откуда во все стороны открывался вид на много миль, но ван Блоом еще не окинул взглядом и половины всего представшего ему простора, как возник перед его глазами предмет, при виде которого его сердце забилося радостью. То был белый парусиновый верх его фургона!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.